КРОКОДИЛ

№ 11 • 1992

ISSN 0130 • 2671

«XX ВЕК, ПОКЕДОВА!» Видеом Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО.

(См. стр. 2).

КАК СКАЗАЛ ОДИН ИЗ ЗНАМЕНИТЫХ КРОКОДИЛОВ — ГЕНА: «К СОЖАЛЕНЬЮ, ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ!» А СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ, ЗАМЕТИМ, И ТОГО РЕЖЕ.

ЗАТО НА ПОДАРКИ ЭТО ПРАВИЛО НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ. НАШ КРОКОДИЛ, НАПРИМЕР, БЛАГОДАРЯ ЩЕДРОСТИ СВОИХ ДРУЗЕЙ ТАК И РЕШИЛ: ДАЕШЬ ПОДАРКИ В КАЖДЫЙ НОМЕР! ПОКА НЕ КОНЧАТСЯ. ЧИТАЙТЕ — ПРАЗДНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Новелла МАТВЕЕВА

ФАРТУК С КАРМАШКАМИ

1.
Бог,— хотя и вправду «шельму метит»,
Тем теплей Фортуна шельме светит:
На земле — как раз по этой мете! —
Шельма шельму с почестями встретит.

2.
На кошмарное виденье невозможно угодить.
И нельзя его, с улыбкой, в чем-то переубедить.
Избегай его! Но, встретив, не страшись его обидеть.
Не трудись возненавидеть. Бойся в силе утвердить.

3.
Еще хоть раз увидеть, как редкостную птицу,
Того, кто первородство сменял на чечевицу!
Не знак ли это в целом, что он-таки ВЛАДЕЛ им?
Боюсь, что больше это ни с кем не повторится.

4. ЗОИЛЫ
Сидят кружком — ждут нового поэта.
О критики, мне странно видеть это!
Как вы любезны с тем, кто не родился!
А кто родился — рады сжить со света.

5. УПОРСТВО В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ
От зависти старинной, от плагиата ль жажды —
Гробницу Архимеда мы потеряли... ДВАЖДЫ!
На первый раз, быть может, случайно? Но — канальство! —
Какое объясненье ВТОРОМУ РАЗУ дашь ты?!

6. ОБОЗНАТУШКИ
Когда не в нашем крае (казалось, лучшем в свете!)
Родится муж великий,— мы сердимся, как дети,
Крича: «Он обознался! Забрел не в эти клети!»
Но что могли мы сделать, чтоб он набрел на... «эти»?

7.
— Любезны мне,— сказал он,— все края!
Всем нациям равно привержен я!
Во мне самом — две крови... И добавил:
— Одна своя, другая... не своя...

8.
Свой собственный народ считать умней другого,
Румяней, да белей, да чище,— право слово,
Единственное всех нацизмов содержанье
И чокнутостей всех — первейшая основа.

9.
Люди не верят поэтам: слов сочетаниям звучным
Внемлют, как сказкам досужим, сладким, но антинаучным...
К правде, поэтом открытой, люди приходят иначе,—
Позже. В обход. По дорогам, более трудным и вьючным...

10. «УЧЕНЫХ МНОГО — УМНЫХ МАЛО»
Еще человечеству долго брести и брести...
И множество сверхчеловеческих изобрести
Диковин! Но даже до уровня мысли коровьей —
Еще человечеству долго расти и расти...

11 (I).
...Я Ирода кляла и страшного Иуду.
И некто стал ходить, как тень, за мной повсюду...
Однажды он вошел и крикнул, зарыдав:
— Портянки никогда я больше красть не буду!

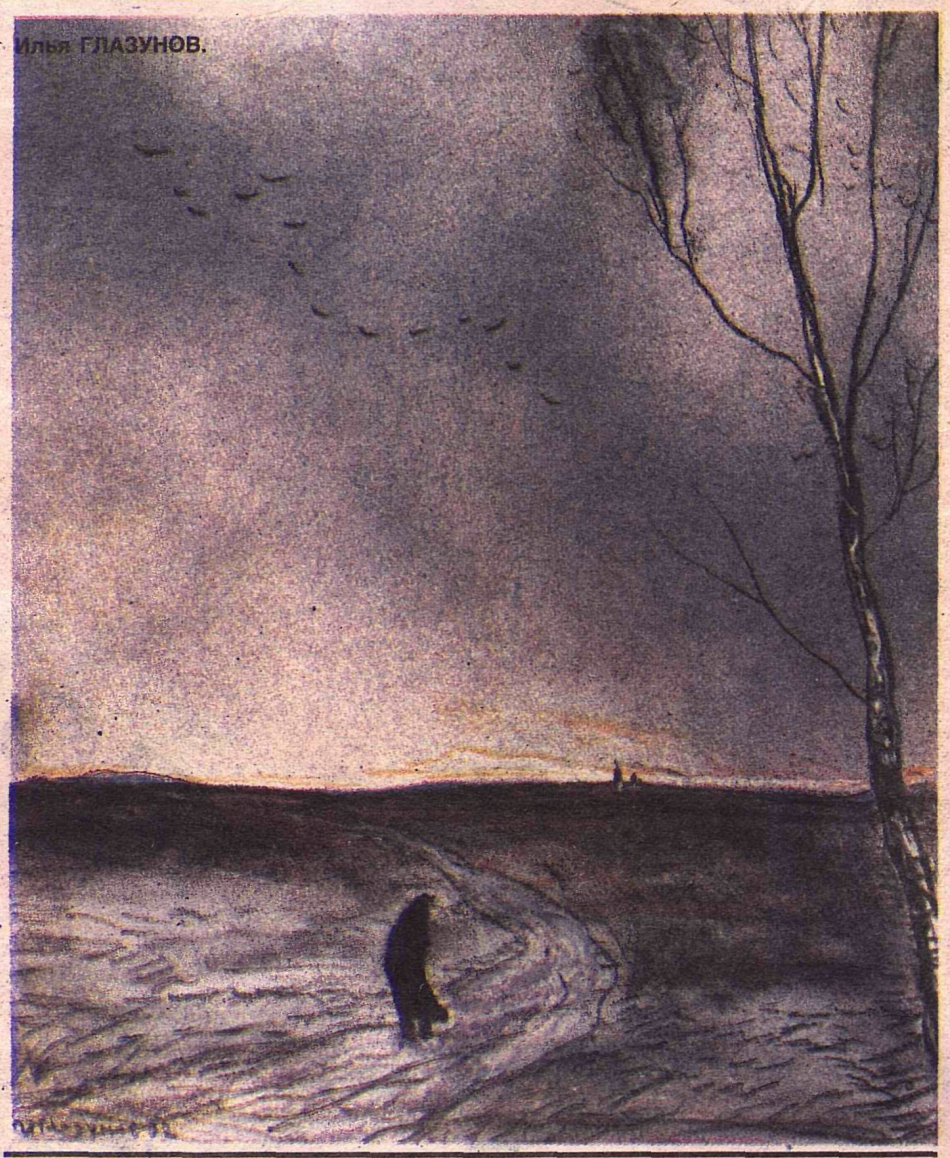
12 (II).
Напрасная стрела, запущенная мной!
Опять ударишь ты по совести больной,
Но, чувствуя себя ни в чем непогрешимым,
И не почешется мерзавец записной...

1960—85—88 гг.

У нас появилась привычка: от всего отвыкать.

Флориан БОДНАР, г. Черновцы.

Илья ГЛАЗУНОВ.



«XX ВЕК, ПОКЕДОВА!»

Из всех редакторских обязанностей самыми обременительными для меня всегда были написание юбилейных (как, впрочем, и будничных) передовиц и выбивание материалов у классиков.

Однако времена меняются. И в чем-то, похоже, к лучшему. Правда, я не обладаю гайдаровским оптимизмом, но некоторые прогрессивные подвижки действительно ощутимы. Не буду далеко ходить за примером — далеко ходить сейчас опасно: можно и не вернуться, сошлюсь на то, что под боком.

Во-первых, праздничную колонку к 70-летию «Крокодила» мне поручили написать стихами и по возможности веселее.

Во-вторых, объекты для юбилейных подношений «Крокодилу» определили такие, что еще сравнительно недавно обращение к ним предполагало один только жанр «политической сатиры» — фельетон. А на что еще «старому» «Крокодилу» годились «космополит» Андрей Вознесенский и «русофил» Илья Глазунов?! А нынче, как советовал Пушкин,— погляди *в окно...*

Словом, «процесс пошел» (спасибо, Михаил Сергеевич, за великую фразу и за многое другое!). А потому, сочинив колонку в № 10, я ринулся по известным в «Крокодиле» адресам и телефонам.

Аппарат переделкинской дачи Вознесенского вежливо посоветовал мне бесполым голосом автоответчика сказать все ему, а он непременно передаст мою просьбу Андрею Андреевичу. Однако я решил карты не раскрывать, а искать самого Вознесенского...

Дача Глазунова в Жуковке откликнулась нежным сопрано, и вскоре сам хозяин дома взял трубку...

При всех наших добрых отношениях переговоры с мастерами были непростыми, хотя «да» оба сказали сразу. Дело в том, что и тот, и другой — авторы, как говорится, не крокодильские, и не очень-то представляли, в каком качестве появятся на его страницах.

В конце концов Вознесенский порадовал «видеомом» — придуманным им жанром своеобразного коллажа, создавал который прямо за редакционным столом и посвятил свое творение прощанию с уходящим-убегающим в кроссовках, лаптях, мокасинах, кедах столетием. «XX век — поКЕДОва!». Видите эти крестики-шнурки на изрядно поношенном кеде? В них ключик к *названию, образу, смыслу. Сложно? Но у Вознесенского все непросто... Кстати, в издательстве* «РИК-КУЛЬТУРА» осенью этого года выходит альбом видеом в сочетании со стихами и прозой поэта.

Целый день потратил я на то, чтобы отыскать в мастерской ректора Российской Академии художеств Глазунова что-либо подходящее для «Крокодила».

— Подарю все, что понравится,— щедро пообещал Илья Сергеевич.

Понравилось многое, но пейзаж этот в дар журналу он все-таки написал специально. Очень современный пейзаж применительно к сегодняшнему дню нашей страны. Название? Автор не дал его, но я думаю, очень подошло бы сюда пушкинское: «Боже, как грустна наша Россия!»

Вот такие подарки к юбилею «Крокодила». Спасибо за них, Мастера!

А. ПЬЯНОВ.

ЧИТАТЕЛЬ ВЗВОЛНОВАН

ДАЕШЬ ДИАМАТ!

От природы я любознательный. В цветущие годы изучал материалистическую философию и не верил в мистику. Но на исходе лет и от безысходности заказал по объявлению таблицу биоритмов, чтоб по-научному перестроить свое бытие.

Десятидневные циклы моей физической, эмоциональной и интеллектуальной деятельности оказались так закодированы во Вселенной, что я буквально за весь минувший год не смог приступить ни к какому делу. В положительные дни моего физического цикла я прямо валился с ног. В отрицательные же вдруг наступал деловой подъем. Но поскольку даже думать о работе в эти дни мне не рекомендовалось, все заканчивалось эмоциональным срывом. Часто критические моменты двух, а то и трех циклов совпадали, общий отрицательный эффект усиливался, наступали черные дни. Боясь несчастных случаев, я просто не вставал с постели.

Но вот из другого кооператива прислали гороскоп-прогноз. И он предсказал мне, что наконец-то на 60-м году жизни моя любовная жизнь будет усыпана цветами, не возникнет никаких проблем, а наиболее удачное время для секса — декабрь. Я было приободрился. Но прежде, понял я далее, меня отнесут на погост, так как в ноябре предстоит расплата за многое, а жизнь простой не была.

А как же сложится она в разрезе года? В январе, марте, сентябре я то и дело должен приглашать гостей в ресторан. Но на какие шиши? Ведь денежные мои дела улучшатся, предсказывают, только в декабре, а до него я, как известно, не доживу.

В редкие дни интеллектуального и эмоционального подъема приходит мысль: не перечитать ли учебник Афанасьева по диамату? Однако именно эти дни помечены в гороскопе литерой «У», что означает «ужас». И учебник сам выпадает из рук.

В. УБИНСКИЙ,
Восточно-Казахстанская область.

ЭПИГРАММЫ

Надежда УТКИНА

Марку МИНКОВУ

И «В порту» свою отвагу
Явит группа «Знатоков...»:
«К пароходикам бумагу
Где берете, Марк Минков?»

Леониду ГАЙДАЮ

Он от «тройки» знаменитой
Аж до «Руста-2» дошел...
Хоть и говорят: «Сердитый!»
Но снимает хорошо.

ИЩУ ПОДРУГУ

Крокодил! Обращаюсь к тебе, как к старому товарищу. Видишь ли, нахожусь я в лагере. Строгого режима. Сижу за рэкет. Мне 24 года, а срок пять лет. Хочу с уголовным миром завязать. Помоги, Крокодил, найти человека, в ком бы я обрел опору. На свободе-то не было времени обзавестись семьей. С виду я не урод, люблю детей...

Если кто-то мной заинтересуется, пусть, Крокодил, напишут тебе. А там мы сами разберемся. Свой теперешний адрес дать для публикации не могу — от начальства будут неприятности... Сообщаю его только тебе.

С надеждой,
БОГДАН, г. Иркутск.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ РЕМАРКА

На обложке «Крокодила» № 28, октябрь прошлого года, изображен закат КПСС. Ошиблись художники. Партократия всего лишь укрылась в облаках. Пересев в другие кресла. Не изменив фамилий.

С. ЧМИР, г. Астрахань.

Боже, как летит время! Только от пенсии до пенсии — медленно.

Е. СМОЛОВА, г. Серпухов.

АНЕКДОТ ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

— Дайте мне килограмм того, чего в магазине нет,— просит покупатель,— и я вам отсчитаю сколько угодно тех, которые ничего не стоят.

— Завернуть не во что...— равнодушно отвечает продавщица.

А. ПАСТЕРНАК,
г. Боярка Киевской области.

В старом Киеве на извозчике едет нездешний смуглолицый гражданин с обезьянкой. Обезьяна резвится, прыгает, то дернет хозяина за нос, то стащит с него цилиндр. Хозяин то и дело вынужден укоризненно одергивать своего любимца:

— Николя! Ну, Николя!..

Извозчик, наблюдавший через плечо за этими сценами, не выдержал и строго сказал:

— Мыкола! Надо ж слухать батьку!

С. АЛЕКСЕЕВ,
г. Москва.

— Жора, ты бы пивка холодненького сейчас выпил?

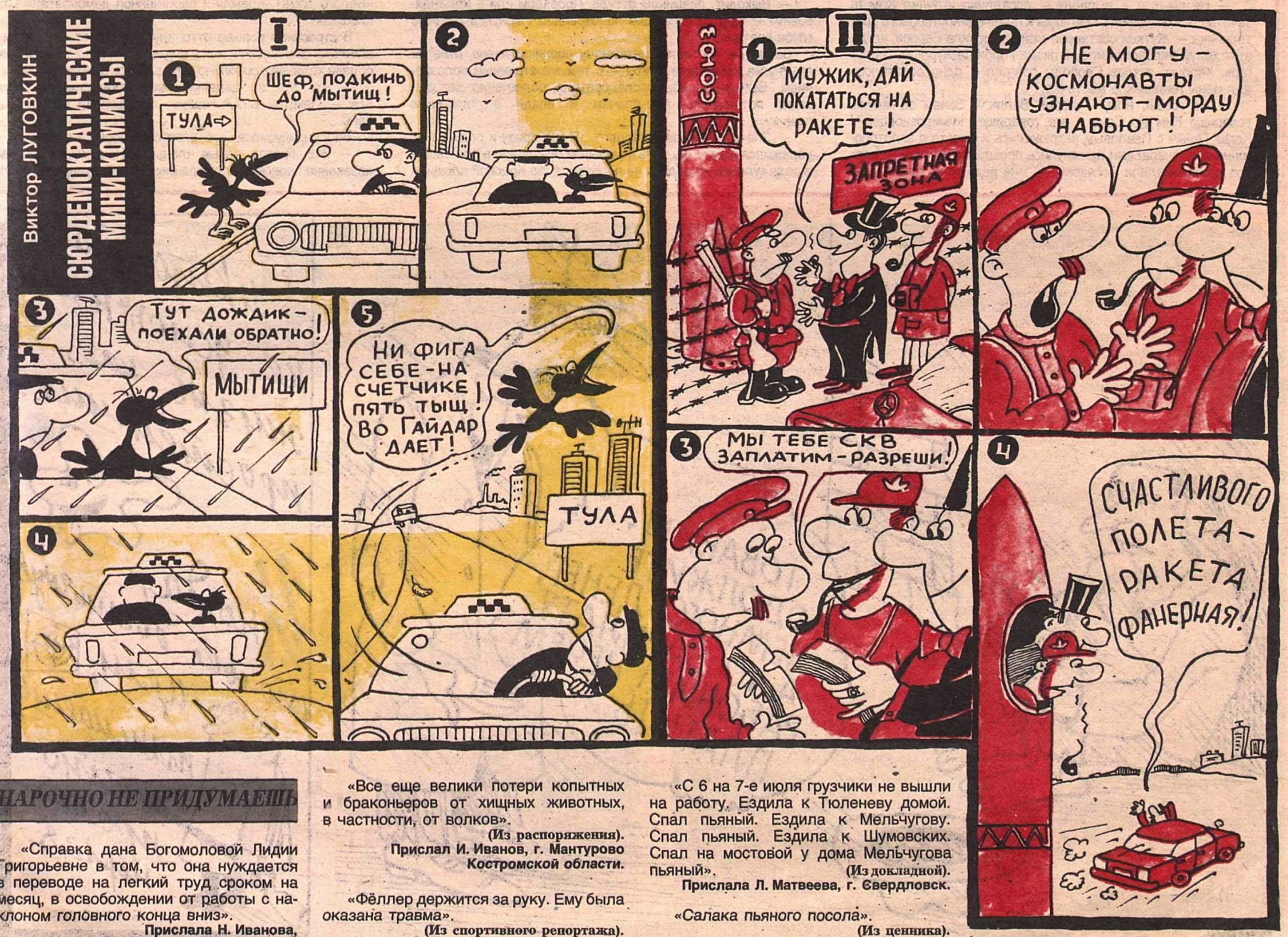
— Спрашиваешь!

— Я не спрашиваю, я тебя дразню.

В. КОРОБКОВ,
г. Тейково.

— До нас дошли слухи, что до вас дошли слухи, что в Одессе с мясом плохо. Так вы им не верьте. В Одессе с мясом хорошо, без мяса — плохо.

В. ШАТЕЛИН,
г. Севастополь.



НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Справка дана Богомоловой Лидии Григорьевне в том, что она нуждается в переводе на легкий труд сроком на месяц, в освобождении от работы с наклоном головного конца вниз».

Прислала Н. Иванова,
Калужская область.

«Все еще велики потери копытных и браконьеров от хищных животных, в частности, от волков».

(Из распоряжения).
Прислал И. Иванов, г. Мантурово Костромской области.

«Фёллер держится за руку. Ему была оказана травма».

(Из спортивного репортажа).
Прислал О. Гребнев, г. Иваново.

«С 6 на 7-е июля грузчики не вышли на работу. Ездила к Тюленеву домой. Спал пьяный. Ездила к Мельчугову. Спал пьяный. Ездила к Шумовских. Спал на мостовой у дома Мельчугова пьяный».

(Из докладной).
Прислала Л. Матвеева, г. Свердловск.

«Салака пьяного посола».

(Из ценника).
Прислал В. Кузнецов, г. Новгород.

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

Трагикомическая футурология

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИЗРАКОВ,

или В КАКОМ МЕСЯЦЕ НАСТУПИТ ОКТЯБРЬ?

— Ба-ба-ба, кого я вижу! — раскинув радостно объятия, загудел авроровским гудком Велок (урожденный Великий Октябрь).— А треп прошел, что ты смылся на Кубу...

— Не смылся — выперли,— досадливо уточнил Ком (в зачатье — Коммунизм), припадая к груди единоутробного брательника.— Жуткой обстановочкой зафорсила Европа, когда этот холуй мирового империализма Горби раскурочил соцлагерь. Хорошо, остров Свободы пригрел — одно оставалось для меня тепленькое местечко.

— Не греши, Ком,— укорил Велок.— Зачем обижаешь товарища Ким Ир Сена и его товарищей кимирсеновцев?.. Когда Геныч с Павловым нахрюкались и вместе с золотопогонниками енаралами лажанулись прошлым августом — плевое дело завалили, согласен? — мне ведь тоже пищик сдавили. Ой-ой как эта хива президентов помела из всех щелей Дедушкины идеи и мои завоевания. Ходил бы без скальпа — не приюти Пхеньян...

— Выходит, прямиком оттуда. Проездом или в командировку? — Ком со странным подозрением нырнул в глазные глуби братана.

Велок, не противясь интимному проникновению, ответно прыгнул в комовские омуты — с тем же странным подозрением. Вынырнув, оба исследователя облегченно завздыхали, потюкались по плечам и впали в тихонькую ржачку.

— Значит, всерьез и надолго... Я так сразу и подумал,— ублажился Ком,— ты хоть и меньшой братишка, а при башке и ради гулянки на родину не попрешься, по Красной площади шастать не станешь. Но прощупать-то тебя надо было, а? Ну как и ты перекрасился...

— Доверяй, но проверяй. Партийная заповедь.

— И чекистская,— дополнил Ком и игриво справился: — Шлепнул бы меня, если бы я усомнился во всесильности верного учения?

— Не сум-ле-вайся,— построжал Велок.— Приладил бы вон там к кремлевской стеночке и... Помнишь, как учил Ильич? «Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Ком скрючился в хохотушной конвульсии, толчками выплеснул:

— Айда... припадем... к... живее всех живых...

— Вот именно — живее! В 18-м про расстрелы сказанул, а ведь прямо для текущего момента!

Они бесплотно прошмыгнули мимо курносых часовых в черную дверную щель, соскользнули вниз и замерли у прозрачно околпаченной мумии.

Ревучитель смотрелся на ять: видать, тоже почуял незагорные перемены (или просто был недавней пересменки?). Братухи ритуально запечалились и уж потянулись было к изголовью саркофага для возложения призрачных цветов, как вдруг непроизвольно и разом дернулись — в такт дернувшимся губам бессмертного покойника. И хоть оба были мистического происхождения, наружу вымелись на такой скорости, что сдули фуражку с часового.

— Ты понял, что он сказал? — заполошно выдохнул Велок.

— Мир народам, хлеб голодным, вся власть...— заученно, но нервически доложил Ком.

— Да нет! Он сказал: сотню демократов-главарей — под казачью сотню! — вибрировал в возбуждении Велок.— А в рядовую демглотку — лампочку Ильича!

— Вожды! — восхитился Ком.— Мыслитель. Вдохновитель. Организатор.

— А кто воплотит в жизнь его директивы, если не мы?! Кто поднимет массы на новую борьбу за твои-мои идеалы? — наступал Велок.— Вхожу с конструктивным предложением: обозрим Отчизну с высоты полета сталинских соколов, проанализируем ситуацию, сделаем оргвыводы...

— Сколотим отряды красногвардейцев,— увлеченно подхватил Ком,— захватим телеграф, вокзалы, банки...

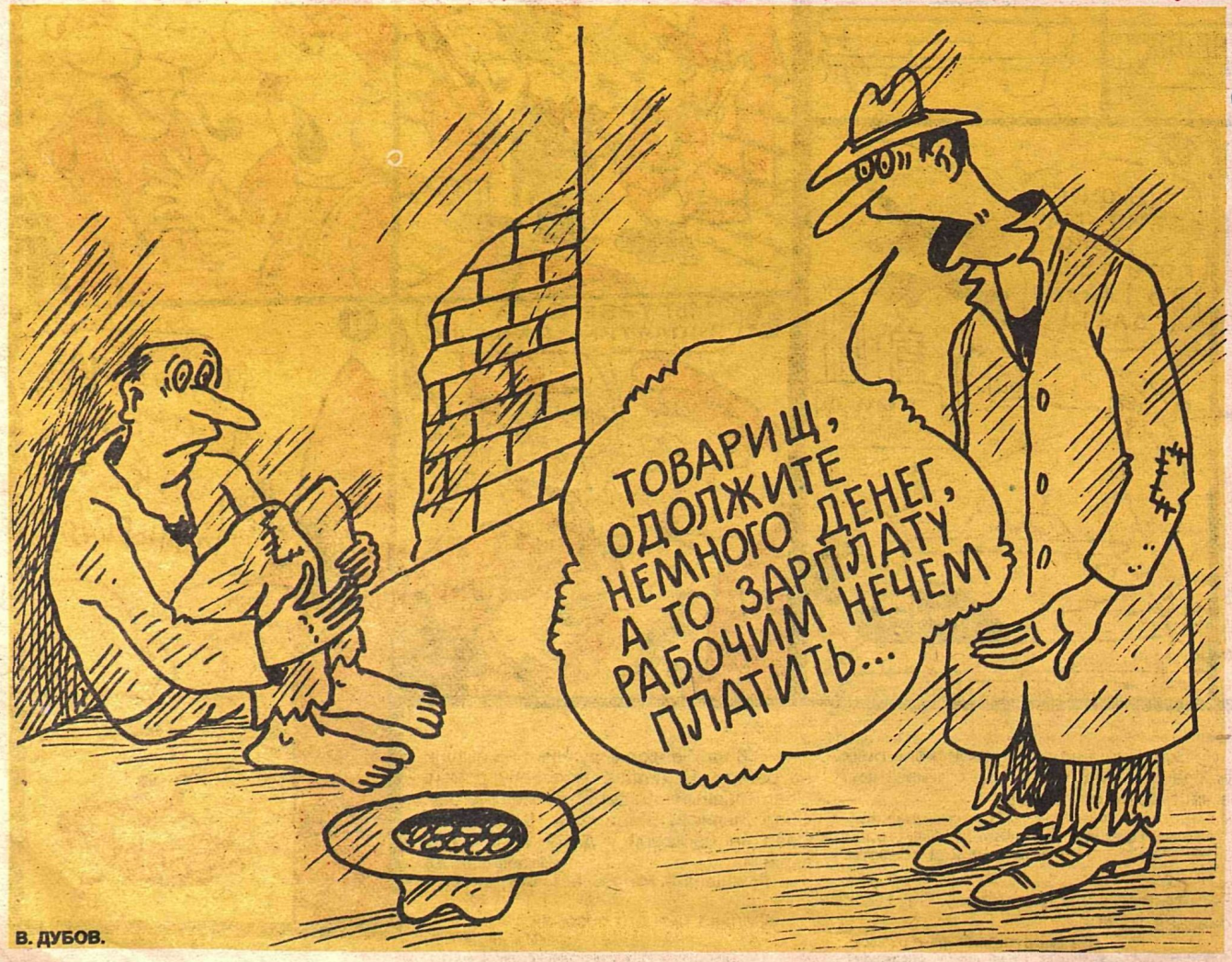
— И двинем народ на штурм ельцинских цитаделей — «Белого дома», Кремля и опоганенной демократами Старой площади!

В страстном порыве оттолкнулись они от брусчатки легкими стопами и воспарили в поднебесье. И поплыли в режиме облака ходячего, соколино вглядываясь в людскую копошню.

— Что это за делянки такие громадные? — спросил Ком.— Пахотой размежеваны, полосатыми столбами утыканы...

Велок сощурился, добавляя себе зоркости.

— Это, братец, новые члены ООН, и мы, представь-ка, незаконно пересекаем госграницы — кабы увидели, запросто



В. ДУБОВ.

Б. КРУТИЕР.

бы ракеткой шлепнули. Вот как семью единую расфасовали. Теперь всяк творит что взбрендит: чихают на поставки, заламывают цены, щучат нацменьшинства, грозят друг дружке кулаками, благо в них зажаты вороха захапанного оружия... Белая горячка не нарисовала бы раньше такие черные картины.

— Послушай, как грохочет и стрекочет Кавказ — не громом и не цикадами.

— А разверни ухо к Днестру — оно ублажится?! Где заухает-забахает завтра?

— Да что завтра — вон, глянь-ка, с чего это зарницами вспыхивают города российские и иные прочие? Никак гражданка?!

Заинтригованно снизились до бреющего, наддали скорость до световой, мотанулись туда-сюда. Разобрались: гангстерские кланы ведут боевые действия меж собой — с «Градом», «Алазанью», бронетехникой. Выясняют, кто сильнее. Попутно убеждаются, что даже порознь им нечего бояться убогих подразделений милиции, служб безопасности, а также общипанной и растерянной армии, точнее, ее имитации.

— Мог ты вообразить что-нибудь подобное до горбатой эры? — со злой риторичностью справился Велок.

Ком только рукой махнул. И плюхнулся в проплывавшее мимо пушистое облако, жестом пригласив и меньшого:

— Залезай и расслабься, нервишки нам еще пригодятся. У меня уже в башке жужжалка завелась.

— Вовсе не в башке. Это жужжат кучи парламентов, местных Советов, партийных сходок, никого не признающих профсоюзов. Знаешь, сколько наплодилось в одной России движений, фондов, партий? Тыща с гаком!

— У нас с тобой была единственная партия.— Голос Кома налился торжественностью.— Но какой великий был прок!.. Где он сейчас?

Оба невольно свесились с облака: где он, в самом деле, прок-то?

Внизу отовсюду прыскали серые человечьи струйки — из Прибалтики, Азии, российских автономий... Беженцы.

Уродливые миомы, тоже серые, тоже человечьи, тоже повсюду, неотвратимо порождались слабеющими организмами предприятий, учреждений, институтов. Безработные.

Угрюмые топтушки, унылые посиделки, угрожающие марши — тоже везде. Забастовки.

— Могло такое быть? При нас?! — зашелся Велок.— Паршивые свободные газетенки сами признают: фоном у реформ — безостановочный спад производства, к тому же и в деревне. А что светит реформам при таком спаде?

— Падение! — озаренно вскричал Ком и пустился в пляс по облачному пуховику.

— Погоди радоваться,— непочтительно осадил младший старшего.— Впитывай все аспекты внутреннего положения и углубленно их препарируй... Хватит нежиться — айда в народную гущу...

Они беспарашютно опустились у большого гастронома, вплелись в давку за сосисками.

— Я работяга, понял — нет? — грубил кряж бледнолицему, суя ему в очки мозоли.— В застой имел пятихатку — пять сотняг, чтоб ты, интеллигент, знал,— и жил не тужил. Как туз. А ща ту-жу! Как шестерка. Хоть на круг скребу десять штук. В 20 раз больше! А толку?.. Сахар прыгнул в 80, путевый костюмчик — в 50—70, авто — в 100...

— Масло в 50!..— готовно подхватили старушки и молодушки.— Мясо в 40, а без костей в 70... Молоко в 25, а как ребятишек поить, когда мне зарплату только на 10 помножили... А мне и вовсе на пять... А у меня мужик все пропивает... А детские вещи почем?! — Высокая красавица пхнула кормящими грудями бледнолицего, будто это он главный лиходей малышни...— У тебя мать есть? — неожиданно ошарашил его же гражданин средних лет.— Моя в Ташкенте живет — семь тыщ в два конца. Купи, падла, билеты! — И потянулся к чужому карману...— А свет, газ, батареи — на них пенсии хватит? — подоспела визгливая бабка.— Да если б еще платили вовремя... А нам и зарплату по три месяца не дают,— флегматично вставил грузный мужчина, забирая с прилавка полкило засотенных сосисок...— Так ни у кого ж денег нет,— выказал знание лезущий без очереди залетный парень,— тебе твою продукцию потребитель не оплачивает — нечем, ты своим поставщикам шиш кажешь — из-за того же, цены-то все вздули, и так по всей технологической цепочке и во всех отраслях, даже хорошие заводы того гляди закроются — в какие ворота это лезет? Банкроты по чьей-то милости! И что тогда делать? Ведь и так всего не хватает...— Протарахтел, цапнул сосиски и был таков. От дверей уже шваркнул в притихшую толпу вопрос-бомбу: — Кто в борделе виноват?

На всем протяжении этих взрывных дебатов Ком ликующе толкал Велка локтем:

— Нет, ты ловишь думы народа?! Нет, ты чуешь настроения?! *Интересно, что ответят: кто виноват?*

— Дерьмократы! — в один голос припечатали кряж и тормознувший флегматик. Тут же сыпанула коллективная расшифровка: — Ельцин — он верховод!.. Да нет, его подзуживает Егорка-кругломордик, всех НДСом и ценами задушил — отпустил, вишь, на волю... А куда смотрят Буничи-Шаталины — академики, мать их!.. У всех опилки заместо мозгов... А Хасбулат удалой для кого удал? Нам один минимум, а себе двадцать один!.. До ручки довели... Буржуям продались... При большевиках лучше было!..

«Вот оно! — возопил Велок.— Это приговор политическим нуворишам, это наше возрождение!» Они с Комом обнялись.

И тут возник бледнолицый:

— Вы несправедливы, господа, реформирование экономики везде сопровождалось катаклизмами — инфляцией, дороговизной, сокращением производства продуктов питания. Но рынок все наладит, у нас толковое правительство...

Толпа не сглотнула:

— Подосланный!.. За сколько купили?.. Вот когда питание наладишь, тогда придешь! — Его вытолкали взашей и сосисок не дали.

Велок и Ком, хохоча от души, просочились наружу и весело взмыли к тучам. Взяв курс на столицу, принялись итожить впечатления.

— Брат, нам с тобой и вмешиваться-то ни во что не надо. Мы получим патент на открытие: демократы гробят сами себя! — с торжествующим злорадством резюмировал Велок.

— Истинно так, брат,— согласился Ком.—Хозяйство в руинах, власть в параличе, народ в нищете.

— Они обзывают нашу Систему казарменной. Хоть бы и так, но она — работала! Они ее разрушили, а что взамен? Тыркаются, пыркаются — и все на ощупь, за счет простого люда...

— Это даже поразительно: ведь к «преобразованиям» подключены вроде бы лучшие умы. Ан ничего не выходит. Не оттого ли, что их дорога ложная, а наша — провидческая?!

— Во всех сферах они делают все, чтобы народ их снес. *Давай не будем демкоманде в этом мешать...*— Ком повел носом: — Дымком откуда-то потянуло, леса, что ли, горят...

— Да вон полыхает... а вон еще... Только это не леса — фермеров жгут! — Дружно учинили активистам овацию.— Колхозники свои меры принимают — изводят нью-кулачье!..

Усталые, но довольные спланировали в центре Москвы. С Тверской, как из тюбика, на Пустомельную площадь выдавливалась расхристанная толпища. Боеголовкой были крепыши-ультрапатриоты с мегафонами и зубодробительными лозунгами, массовку составляли сочувствующие, колеблющиеся, зеваки и гости столицы. Велок предложил снять с соотечественников пробу на политическую зрелость, гаркнув в хвост, где гуртуются пассивные: «Даешь частную собственность!», «Гайдар — кормилец России!», «Ура МВФ!», «Курилы — японцам!».

Они материализовали голоса и гаркнули. Хвост замялся, зачухался, но потом ответил невидимым крикунам шквальными матюками и порожней стеклотарой.

— Что и требовалось доказать,— удовлетворился Велок.

— А меня все-таки кое-что огорчает,— насупился Ком.— Нашим еще не хватает масштабности, популярность Ельцина, как ни дико, под откос не летит... А вдруг демократы спохватятся, отыщут настоящих разумников, понасадят их в политику и экономику — и дела у них заладятся?..

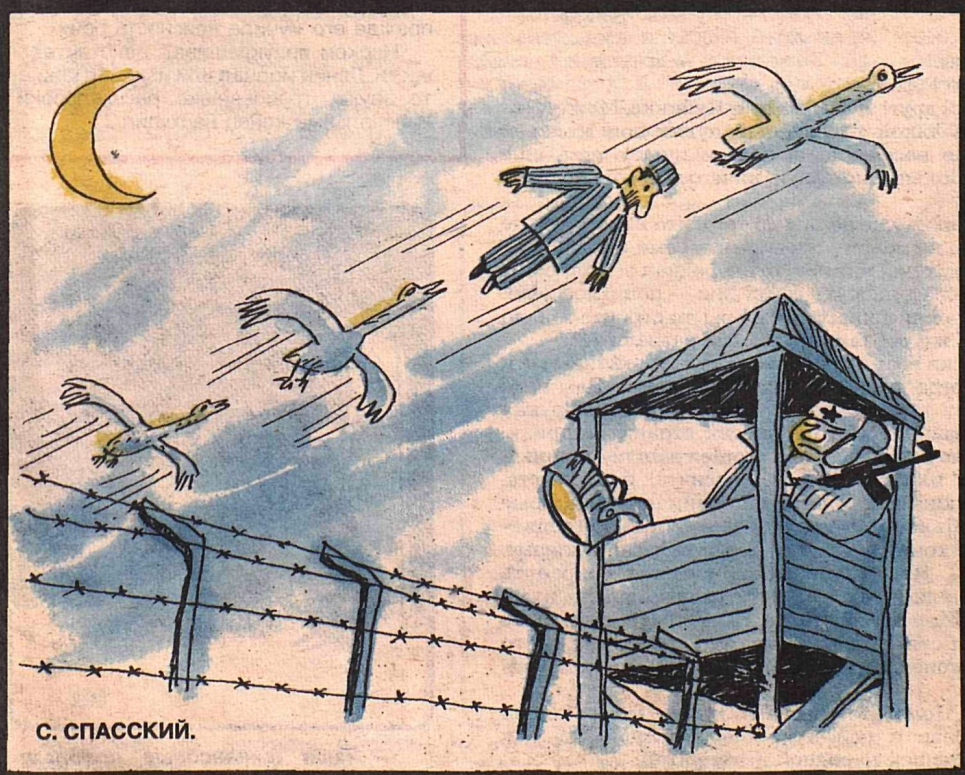
— Усомнился, гад, в победе коммунизма в отдельно взятой стране? Гляди, прилажу тебя к кремлевочке... Шучу... Ты, братишка, не волнуйся: нынешние правители так валандаются, словно народ будет вечно терпеть их опыты над собой. Не будет! Это раз. Второе: наше дело в надежных руках *твердокаменных ленинцев. Посмотри, как толково, системно,* фанатично штурмуют дембастионы герои ненашего времени — Стерлигов и Макашов, Слободкин и Анпилов, Зюганов и Ивашко, Тюлькин и Тулеев... Они возьмут верх. Люди-гвозди.

— Убедил,— повеселел Ком.— Но не всех героев ты поименовал. Перечень по праву должен открывать пионер сопротивления — Ниночка Андреева. Какая женщина! Будь я помоложе... А ты чего теряешься, Велок? Ты ведь с 17-го, пацан совсем...

УГОЛОК УГОЛОВКИ

СОН В РУКУ

Поговаривают, что накануне события один и тот же сон виделся самарцу Ш. Гангураве. Только смеживал веки Гангурава, как тут к нему являлась синтетическая блондинка и голосом диктора Балашова рекомендовала хранить деньги в сберегательной кассе. Не раз, не два приходила во сне навязчивая дива, все молила следовать ее совету, но тщетно. Гангурава в кассу не шел. И вот недавно вместо дивы, и не во сне, а наяву, к нему явились три грабителя и, грозясь мясницким ножом, выгребли всю его родовую наличность — 150 тысяч рублей.



С. СПАССКИЙ.

КТО БЫСТРЕЕ

Всего восемь минут потребовалось бравому наряду милиции, чтобы прибыть к магазину санкт-петербургской торговой фирмы «ДЛТ» — сработала сигнализация. Но творит чудеса материальная заинтересованность. За еще меньшее время жулики не только обчистили магазин, но и бесследно пропали.

ВНИМАНИЕ! ДЕЗИНФОРМАЦИЯ!!!

Крупную свинью подложила наша пресса отечественным преступным кругам, утверждая, что правоохранительные органы парализованы. Уже тысячи рэкетиров, домушников и гопстопников новой формации обрели покой в местах не столь отдаленных, но дезинформация по-прежнему делает свое подлое дело. В Омске пятеро граждан определенных занятий, выбросив из «Волги» водителя, двинули на дальнейший разбой. Через несколько часов они ворвались на квартиру к гражданке Зайцевой, пальнули из обреза, обобрали жилище. Под конец рабочего дня, к удивлению легковеров, все они оказались за решеткой.

Независимые крокодильские эксперты уведомляют падких до легкой наживы граждан: слухи *о немощи органов внутренних дел* преувеличены, суды работают с предельной нагрузкой, а места лишения свободы по-прежнему далеки от международных норм и стандартов.

ПОГУЛЯЛИ!

Убийственную статистику все чаще пополняют — причем своими именами! — вполне нормальные граждане. Пополняют ввиду беспечности и неразборчивости в знакомствах.

В поселке Некрасов Калининградской области граждане Артамонов и Иванов выпивали в сторожевом вагончике с гражданином Кондратьевым, который, надо подчеркнуть, и на трезвую голову не отличался спокойным нравом. А уж выпивши, вообще был неудержим. Хмельной буян, утратив разум, зарезал собутыльников.

Аналогичная история произошла недавно и в Рязанской области, с той лишь разницей, что после нее осталось три трупа. Когда убийца, некто Рябов, инвалид, оклемался, он, узнав о содеянном, тут же скончался от разрыва сердца.

Михаил АНДРАША

ДУСТОМ НЕ ПРОБОВАЛИ?

Анекдотический обзор отечественной истории

Мы пережили победное шествие марксизма, ленинизма, сталинизма, брежневизма и др. Используя иностранные слова на основе древней латыни, мы пережили: репрессанс, реабилитанс и неорепрессанс. В более подробной расшифровке дело было так. Мы первые на планете построили коммунизм, но на поверку он оказался военным, и его пришлось отменить. Был введен нэп. В конце двадцатых годов нэп отменили и начали строить социализм. Строили, пока не началась война. После Победы восстанавливали разрушенное и продолжали дело строительства социализма. Никто, кроме нас, этим делом не занимался. Мы шли вперед. Под руководством нового Генерального секретаря начали строить коммунизм, и даже была определена точная дата его прихода — 1980 год. В середине шестидесятых, точнее — 14 октября 1964 года — строительство коммунизма было приостановлено и вновь было поручено номенклатуре вернуться к социализму. Социализм строили, строили, пока не выяснили, что общество топчется на месте. Оказывается, мы двадцать лет жили в стагнации (застое), а нам втирали очки, что мы движемся от победы к победе. И вообще наш особый путь, освященный идеей Третьего Рима и отличавшийся от пути других народов, был обманом в особо крупных размерах. Теперь мы строим светлое здание капитализма. У читателя возникнет вопрос, который в свое время возник у нашего выдающегося философа П. Чаадаева: не являемся ли мы все предметом исторического эксперимента? Отвечают на этот вопрос по-разному, но наиболее разумный ответ дал бывший президент Рейган, рассказывая в своем кругу один из русских анекдотов:

— Лучше бы сначала проверить на мышах.

* * *

Недавно на глаза мне попались воспоминания специалиста по лесному хозяйству, бывшего подпольщика-меньшевика С. Либермана. Ему доводилось присутствовать на заседаниях правительства. Он пишет так:

«Совещания высшего исполнительного органа Советской России, на которых председательствовал Ленин, проходили в необычной атмосфере. Несмотря на все усилия назойливого секретаря придать каждой такой встрече торжественный характер заседания совета министров, невозможно было избавиться от ощущения, что присутствуешь на собрании подпольного революционного комитета!.. Многие комиссары оставались в пальто и шинелях; большинство было одето в уродливые кожаные куртки. Зимой некоторые носили валенки и толстые свитера. Во время совещаний никто не раздевался. Один из комиссаров, Александр Цюрупа, почти всегда был болен. Он участвовал в совещаниях полулежа, протянув ноги на соседний стул».

Вскоре тяжко заболел и сам Председатель Совета Министров. Однако он продолжал руководить страной из своих Горок. Луначарский старался успокоить народ, говоря, что с Лениным все в порядке. В мае 1923 года нарком просвещения выступал перед рабочими Томска и обрадованно сообщил, что речь у вождя мирового пролетариата восстанавливается. «Владимир Ильич давно сидит в кресле, довольно спокойно может разговарить, в то время как прежде его мучила неясность речи».

Нарком приукрашивал действительность. Ленин молчал или издавал какие-то звуки, требовавшие расшифровки. И печальный конец наступил...

КЛУБ «12 СТУЛЬЕВ», ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОТ НАШЕГО СТОЛА – ВАШЕМУ СТОЛУ

70 лет — много это или мало? Как постоянно говорит один наш знакомый юрист: «Для вас — любой срок хорош!»

Взаимоотношения «Крокодила» и «Клуба ДС» не всегда были одинаковыми. «Клуб ДС» родился в 1967 году как альтернатива «блюстителю нравственности». Но со временем наши задачи сошлись, и возникла дружба-соперничество, которая продолжается до сих и, хотелось бы, чтобы продолжалась до значительно более поздних пор.

В связи с вышеизложенным — от имени и по поручению «Клуба ДС» — выражаю «Крокодилу» испепеляюще горячие чувства и категорически настаиваю на необходимости не только выжить, но и просто жить, удовлетворяя свое, как говорится, «чертовское желание работать» на радость всем, для кого без улыбки так же тяжело, как и без хлеба. Приложение: скромный дар в лицах любимых авторов «ДС».

Павел ХМАРА,
главный администратор «Клуба ДС».

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ РЕФОРМЫ

Вот правительство утверждает, что свободные цены стимулируют производство товаров. Я это себе сразу ярко представляю — только отпустили 2 января цены, а утром 3-го выбегает на поле колхозник и начинает сеять, сеять, сеять зерновые рукой прямо на снег...

Сергей ЛУЗАН.

РОГА И КОПЫТА

КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Вчера ночью двое неизвестных, угрожая жестокой расправой, в центре города сняли носки с гражданина Почесуева. Сообщаем приметы: носки х/б синего цвета, почти новые, на правом носке в районе пятки потертость. Граждан, видевших на ком-либо такие носки, просим сообщить по телефону: 332-34-24. Вознаграждение гарантируется.

СПОРТИВНЫЕ НОВОСТИ

Известный бизнесмен г. Пичичуева А. Гнедой, пребывая в служебной командировке в г. Монте-Карло, выиграл в рулетку 20 миллионов долларов. На эти деньги А. Гнедой — верный болельщик местного спортивного клуба «Ураган» — приобрел для своего любимого клуба игрока голландской сборной Ван-Бастена. Добро пожаловать, господин Ван-Бастен, в Пичичуев!

Виктор МАТУСОВ, г. Запорожье.

НОВОСТИ ТОРГОВЛИ

Продается бывшая в употреблении торговая сеть, в которую ловятся наивные покупатели.

Леонид САБАКОВСКИЙ, г. Ростов-на-Дону.

Анатолий РАС

ВСКРЫТОЕ ПИСЬМО

Куда: Остров Свободы.
Кому: Фиделю Кастро Рус.

Дорогой кубинский друг! Я сам живу в Кубинке. Может, вы и не знаете, но есть такой населенный пункт под Москвой в вашу честь. Кроме населения, в нашем пункте есть еще плюрализм мнений. Больше, пожалуй, ничего нет, только плюрализм.

И вот этот плюрализм уже дошел до того, что некоторые не понимают, почему вы не можете прокормить сами себя? У вас, говорят, очень благодатный климат, плодородная земля, богатое рыбой море. Чего вам не жить сыто? Мы — понятное дело. Мы семьдесят лет строили социализм, но вы-то строите только тридцать?! Не могли же вы так быстро все развалить?!

Другие, политически грамотные и морально устойчивые, им объясняют: вам некогда думать о хлебе насущном. Вам надо карнавалы проводить круглосуточные и с оружием в руках отстаивать свою независимость во многих странах Африки. Кстати, до нас недавно в очередной раз дошел ваш постоянный вопрос: «Социализм или смерть?!» Объясните, пожалуйста, в чем разница этих понятий? Многие не понимают, а которые понимают, не могут объяснить по-человечески. Ведь при социализме людям так же хочется кушать, как и при капитализме.

Товарищ Фидель! Научите, как вам удается сохранить приверженность социалистическому пути, если вы знаете, куда нас этот путь завел? Или вы не знаете, где мы? Мы сами тоже точно не знаем. Одни считают, что мы в тупике, другие,— что уже в пропасти. Мы, конечно, и из пропасти будем вам помогать по инерции.

Товарищ Фидель! Помогите и вы нам! Откажитесь от нашей помощи! Пошлите нас с ней куда-нибудь подальше, как остальные страны бывшей народной демократии.

Очень вам были бы признательны за это послание.

Всегда искренне ваш кубинец Сидоров-Козлов.

— Наши финансовые проблемы решены! Я вас продал японцам.

НИКОЛЕЛО, Бразилия.

«Дустом не пробовали?» — последняя работа, саморучно положенная в крокодильский редакционный портфель Михаилом Яковлевичем Андрочниковым. Он известен всем любителям юмора под забавным детским прозвищем Андраша, которое писатель удачно превратил в свой литературный псевдоним. А в литературное имя прозвище превратилось благодаря десяткам рассказов, фельетонов, юморесок, книг. Буквально все рожденное пером Андраши лучится теплым смехом и природной человеческой добротой. Если у вас кисло на душе, читатель, и бытовые тяготы убивают радость бытия, возьмите любую книжку писателя, хоть первую — «Воспоминания бывшего ребенка», хоть последнюю — «В науке что-то есть...», и несокрушимый андрашинский оптимизм перельется в вас, умаляя печали. Его личная судьба была небезоблачной, но он никогда не жаловался, его, как и нас с вами, дубасило предрыночное лихолетье, но он неизменно светло улыбался и стоически восклицал: «И все равно жизнь прекрасна!» Этим любимым присловьем он пособил многим. Но не словом единым, профессиональным своим инструментом, помогал людям писатель. Андраша был активным творцом добра: пестовал учеников в литобъединении ЦДКЖ, придумал и провел в «Крокодиле» конкурс имени Аверченко, учредив и приз — им же прекрасно составленный сборник рассказов знаменитого сатириконца, дрался за гонорар своих авторов в «Вопросах литературы», где сотрудничал по договору, добывал лекарства страждущим, покупал продукты позабытой всеми пенсионерке, одаривал друзей трогательными мелочами — языковедческой или поэтической книгой, заморским «скрепкострелом» или борщом собственного приготовления...

Если вообще бывают негрешные люди, то недавно свершилась очередная несправедливость — ушел один из них.

«И все равно жизнь прекрасна!» — слышим мы голос нашего Миши.

Новый Генеральный секретарь партии говорил с сильным кавказским акцентом, однако не мычал, передвигался без посторонней помощи, его тяжелый характер был отмечен друзьями и самим Лениным, который требовал немедленно прогнать Сталина с поста Генсека. Это не было сделано. Он тридцать лет правил страной. время от времени отстреливая своих критиков и политических соперников. Старые партийцы, занимавшие высокие посты, отстреливались наравне со всеми.

О Сталине рассказывали самые фантастические и вместе с тем совершенно реалистические истории, он представал в анекдотах глупцом и мудрецом, жестоким тираном и любящим отцом, как Тамерлан и Чингисхан. Литературовед Юрий Борев, рискуя свободой, многие годы собирал все то, что интеллигенция рассказывала о Сталине. Получилась целая книга — «Сталиниада». Жуть берет — кто правил нами! Я приведу только одну историю из этой книги.

Жена бывшего секретаря Сталина В. Кюссе в конце 50-х годов рассказывала:

В 1928 году Сталин предложил Бухарину:

— Ты будешь главным теоретиком партии, а я — главным организатором и руководителем. И мы оба, как Гималайские вершины, будем возвышаться над всеми.

Секретарь Сталина сказал жене: забудь, что мы слышали эту фразу. Однако предусмотрительность не спасла их: его расстреляли, а она 17 лет просидела в тюрьме.

Проблема «Гималайских вершин» и личного бессмертия всегда остро стояла перед руководителями КПСС. Вечно живое учение. Ленин — живее всех живых. Но, скажем, медицинская наука со всеми ее многочисленными академиками не помогала.

Недавно стали известны факты охоты одного вождя на другого. Как рассказывают, у бывшего руководителя секретных служб В. Семичастного Брежнев просил яду, чтобы прервать жизнедеятельность Н. С. Хрущева. Если осталось от сталинских времен, говорил Брежнев.

— Ничего не осталось, Леонид Ильич,— отвечал Семичастный.— Все скушали.

— Тогда, может, катастрофа на дороге? Или в воздухе?

Брежнев и его помощники-заговорщики обошлись партийным пленумом. Н. С. Хрущев был сослан на свой приусадебный участок под Москвой.

При Брежневе было объявлено, что вместо пришествия коммунизма в СССР будут проведены Олимпийские игры. В 1980 году Москву закрыли для въезда. В магазинах было полно всего, без очередей, по доступным ценам, и народ смог убедиться, что коммунизм может быть построен в отдельно закрытом городе.

К тому дню, когда Суслов прикрепил к кителю Брежнева очередную (4) Золотую Звезду, у маршала было двенадцать рядов орденских ленточек. Он давно уже был болен, и во время празднеств на трибуне Мавзолея Брежнева приходилось «укреплять» и буквально привязывать, чтобы он не упал. Все эти события, кроме документов и мемуаров, фиксирует и политический анекдот. Анекдот ничего не скрывает, даже то, что партия считала глубокой тайной и ревниво берегла.

После ухода с политической сцены Брежнева на ней возник другой руководитель — Ю. В. Андропов. Тоже из больных. Он руководил страной из больничной палаты, был прикован к приборам и лекарствам. Остроумцы точно подметили разницу между вождями:

— Брежнев работал от карманной батарейки, а Андропов — от сети.

Андропова похоронили с почестями.

Престарелые члены Политбюро, разочаровавшиеся в теории бессмертия, избрали Генеральным секретарем партии товарища К. У. Черненко. Как отметил иностранный наблюдатель, Черненко ездил на работу на катафалке. Этот наблюдатель принял длинный лимузин, политбюровоз, за катафалк. У него дома в таком гробы возили. Константин Устинович вскоре переехал жить в Кунцевскую больницу. Рядом с ним всегда находился офицер, следивший за тем, чтобы, вызывая медсестру, Черненко случайно не нажал ядерную кнопку.

Западные деятели, опасаясь конца света, присылали Черненко редкие и очень дорогие лекарства для закрепления памяти.

Мы все помним тот изумительный день выборов в Верховный Совет, когда переделали больничную палату в избирательный участок. С помощью товарищей по партии К. У. Черненко опустил свой бюллетень в урну для голосования. Ему помогли поднять правую руку, попросили направить взгляд в объектив телекамеры, и он сказал всем нам: «Все хорошо!»

И вскоре умер. На Красную площадь были допущены только те, кто имел постоянный пропуск на похороны генеральных секретарей партии.

Часто раздаются жалобы на нищую жизнь, на то, что у нас, богатейшей страны мира, мало хлеба, масла, мяса, не хватает товаров народного потребления. Дорогие товарищи и господа, а откуда быть всем этим товарам, тем паче в изобилии? Кто нами управлял?

НАМИ УПРАВЛЯЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НЕ СТОЯЛИ У РУЛЯ ГОСУДАРСТВА, А ЛЕЖАЛИ ВОЗЛЕ НЕГО.

Не зря же партия строила для больных руководителей закрытые больницы и санатории, обшивала броней кареты «Скорой помощи», отдавала этим товарищам лучший кусочек.

Тут как-то летели в самолете Брежнев и Рейган.

— Вон там, внизу,— показал Брежнев,— станция Бологое, в том месте семь лет мяса в магазинах не продавали, и, видите, ничего, живут.

— А вы их дустом не пробовали? — спросил Рейган.

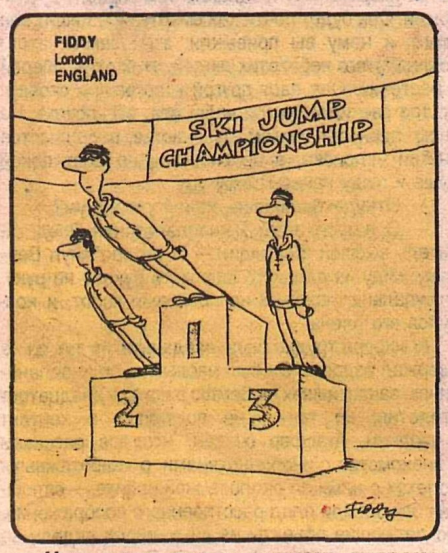
* * *

Анекдот, частушка, крылатая фраза вроде «Вступлю в партию. КПСС не предлагать» — все помнят, все знают. Это, если будет позволено сказать, веселая память народа.

А вот как рождают анекдоты сами политические деятели. Бывший кандидат в президенты России В. Жириновский, в просторечии — Вольфыч, отвечая на вопрос избирателей о своей национальности, ответил: «Мама — украинка, папа — юрист». Это было немедленно подхвачено газетами, повторяется как афоризм, а сам автор стал родоначальником новой советской национальности — полуюристов.

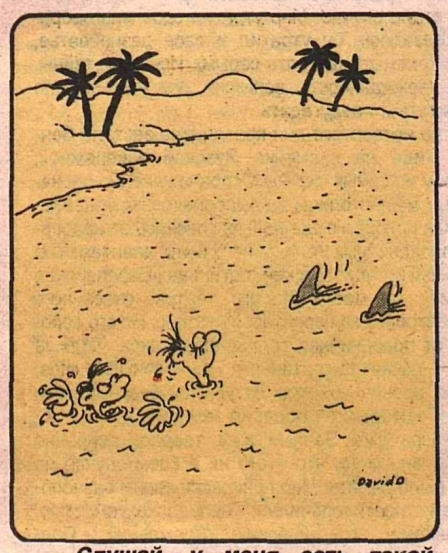
Закончу этот беглый обзор несостоявшимся анекдотом. Я придумал анекдот и хотел запустить его на орбиту во время встречи Буша и Горбачева, которая планировалась. Но встреча не состоялась. Анекдот такой. Горбачев беседует с Бушем в Белом доме и говорит о том, что СССР переходит к рынку.

— Миша,— говорит президент Буш,— вы испортили социализм, загубили идею коммунизма, ее теперь в руки взять нельзя, постарайтесь не испортить нам капитализм.



Чемпионат по прыжкам с трамплина на лыжах.

ФИДДИ, Англия.



— Слушай, у меня есть такой план — ты их отвлекай на себя, а я поплыву за помощью.

ДАВИД, Австралия.

— Вы уж извините, что я весь немножко в зубчиках. Меня только что из Токио по факсу передали.

ХЭМ, Финляндия.

Юрий НАГИБИН

НИЧТО НЕ ВЕЧНО...

Мы рассказали о нескольких героических событиях в долгой борьбе Агасфера за создание Планеты жидов, наметили пунктиром его путь вплоть до исхода двадцатого века.(...) Но мы не пишем историю этого невероятного строительства, задача наша куда скромнее: поведать читателям о горестной судьбе самого прораба.

В середине двадцать первого века Агасфер завершил свой труд, завещанный ему отнюдь не от Бога. Хотя кто может наверное знать? Даже самому Вечному жиду не было доподлинно ведомо: *возникла ли его дерзновенная идея спонтанно или* была подсказана ему мудреным Ягве. Ему казалось, что он действует от себя, не было никаких видений, явлений, он не слышал тайных голосов, не видел вещих снов. Но разве это так уж важно? Важно другое: теперь землю населяли сплошь евреи, хотя не исчезли и прежние наименования наций: англичане, французы, немцы, русские, китайцы и т. д. Но они значили куда меньше, чем выражения исхода двадцатого века: «американские негры», «американские итальянцы». Там все-таки подчеркивался разный состав крови, а здесь состав крови у всех был един. И Вечному жиду захотелось обозреть творение рук своих и сказать, как Господь Бог в шестой, последний день творения: это хорошо!

Он решил устроить нечто среднее между знаменитым шествием поезжан к Ледяному дому в царствование Анны Иоанновны и Всемирным фестивалем молодежи в Москве. Он выбрал русскую столицу, ибо ни с одной страной не было столько осложнений, трудностей, мук, сколько с Россией, особенно когда на сцену выступили патриотические силы. Если бы годá что-то значили для Вечного жида, он мог бы пожаловаться, что *борьба с заединщиками отняла у него немало* жизни. И, конечно, надругаться над московской святыней — Красной площадью — входило в его коварные замыслы. Итак, парад народов мира, ставших единым еврейским народом, но сохранившим в этом общежидии свои традиционные имена. Тысячи людей, съехавшихся со всех концов земли, прошагают по старинным торцам мимо Мавзолея, изменившего свое назначение: прежде он был усыпальницей вождя, ныне стал музеем большевистских злодеяний; главный экспонат — мумия в пиджачном костюме. Далекой предрыночной порой, спасая свое имущество, партия приватизировала Мавзолей, а затем сдала муниципалитету под музейное помещение.

Пока шла церемония, стоявшие на Мавзолее главы государств с любопытством и бессознательным уважением обращали взгляды к пожилому статному смуглолицему человеку с глубоко запавшими глазами и густыми черными бровями в одну полосу. На нем были белые легкие одежды, белый тюрбан, заколотый драгоценным камнем, на шее золотая цепь, длинные музыкальные пальцы унизаны перстнями. Усталым покоем веяло от его выразительного лица. Порой на уголок глаза набегала слеза, он скидывал ее мизинцем с длинным, чуть загнутым ногтем. Они не могли взять в толк, кто такой этот экзотический человек, какую страну он представляет, никому из стоящих на Мавзолее он не был известен. Какой-нибудь магараджа, шейх, султан, эмир, но почему он так по*хозяйски занял место среди первых людей* Америки и Евро-России? Спросить его никто не решался, было в нем что-то величественное, таинственное и неприступное.

Агасфер смотрел своими острыми, как у орла, глазами с небольшой, но охватистой высоты Мавзолея на проходящих стройными рядами евреев и не замечал, что губы его шепчут:

— Так совершенны небо и земля и все воинство их!..

Он имел право на эти слова из книги «Бытия», коими восславлены дела Господа, создавшего этот мир, ибо дал завершенность и единство творению Вседержителя.

И все-таки он не мог не признать, что примесь чужой крови подпортила чистый русский тип. У еврейских красавиц широкий таз, выпуклые глаза, крупноватые носы и складка горечи-терпения в уголках губ. Наверное, нужны тысячелетия, чтобы стерлась древняя скорбь гонимости. Ничего, время все лечит... Хотелось бы чуть большего разнообразия в лицах. Это касалось не только женщин, но и мужчин. У последних одинаковости способствуют пейсы и горбатые носы. Даже плоские, словно раздавленные сопатки африканцев слегка оклювились. Что-то неприятное *шевельнулось в душе*, и, гоня прочь внезапную смуту, он снова окинул взглядом всю необъятность площади.

Мощный крик: «Шолом!.. Шолом!..» — потряс землю и небо.

И отозвался слезой на крепкой скуле Агасфера.

Язык землян сильно унифицировался в конце двадцатого века в связи с мощным проникновением Америки в поры мировой жизни; в последние десятилетия американизмы отступили под напором иврита, наложившего приметный отпечаток на все языки и наречия. Но ничего похожего на эсперанто не возникло: все нации продолжали говорить на своем, хотя и сильно приправленном еврейизмами и певучей интонацией языке. А вот сердечное приветствие «Шолом» стало повсеместным.

Сейчас это выкликали высоченные сухопарые суданцы звучными глотками. За ними, пущенные по контрасту — это выглядело удивительно трогательно (слава церемониймейстеру!),— семенили крошечные пигмеи и своими птичьими голосами тоже кричали:

— Шолом!.. Шолом!..

Они были в очень коротких шортиках и в жилетках. Плоские угольно-черные лица обрамлены жесткими кудельками пейсов. Жилетки получили такое же повсеместное распространение, как и традиционное еврейское приветствие; они были из разного материала: кожаные у североамериканцев, замшевые у европейцев, шелковые у жителей экваториальной Африки, Австралии, Океании, меховые у эскимосов, ненцев, чукчей, из ситцезаменителя у россиян. Причину этого увлечения Агасфер понял позже, когда началось свободное гулянье поезжан. Лишь два снежных человека обходились без жилетов, они были совершенно голые, в собственном жестком волосе, с забинтованными после недавнего обрезания членами, чем простодушные дети Гималаев очень гордились, стараясь привлечь внимание окружающих к своим забинтованным культям. Пейсы были и у них. Опять Вечного жида что-то кольнуло. Он был слишком индивидуалистом, чтобы спокойно воспринимать унифицированность.

Вся площадь вскипела аплодисментами. Колонны расступились, образовав широкий коридор. И по этому коридору в коляске на дутых шинах провезли ветерана черносотенного движения, крупнейшего теоретика погрома, последнего из могикан-восьмидесятников Запасевича.(...)

Пожалуй, не было у Вечного жида более сильного противника, чем этот сутулый, хилый, слабый плотью кабинетный ученый. (...) Сейчас Агасфер почти с любовью смотрел на скрюченного *в кресле старикашку; под черной ермолкой* морщинилось печеным яблоком крошечное личико, торчали седые пейсики двумя мышиными хвостами. Будучи во всем максималистом (Запасевич.— Ред.), в пору своих искренних заблуждений при каждом удобном случае принимал святое крещение; вернувшись в лоно своего народа, он сделал вторичное обрезание (первое, свершенное при рождении, он скрывал) и отхватил почти всю оставшуюся плоть. Известно, что раскаявшийся грешник стоит десяти праведников, оттого и был так велик всеобщий восторг.

Вечером гулянье охватило весь центр столицы. Жгли костры и на Красной площади, и на Театральной, и на площади Звезды Давида, так переименовали площадь Революции, и на Манежной, и на площади Жертв террора (бывш. Дзержинского, еще ранее Лубянская), и на Пушкинской против синагоги, ставшей на месте кинотеатра «Россия». Жарили шашлыки, купаты, кебабы, цыплят, рыбу, пекли пироги, кнедлики, готовили под открытым небом всевозможные экзотические блюда, но тонкий нюх Агасфера сквозь все богатство запахов и мощной обвони оливкового масла улавливал стойкий дух чеснока. И, попробовав *разной снеди у дружеских костров, мангалов*, печурок, он обнаружил, что кошерное мясо, в каком бы виде его ни готовили — на сковородках, шампурах, в листьях винограда или капусты, нашпигованным, наструганным, вареным, печеным, жареным — было кисло-сладким, как это от века принято у евреев, а за всеми разносолами угадывались гефилтер фиш и цимес — блюда, которые Агасфер органически не переваривал, как и мацу, заменившую нынешним землянам хлеб. По виду хлеб был разным: халы, франзоли, бригет, калачи, лаваш, чурек, ситный, бородинский, пеклеванный,— на деле же — тем самым, которым пророк Моисей накормил евреев в пустыне. И это было скучно, как пейсы, смывающие индивидуальное выражение, как жилетки, заменившие прежнее богатство национальных костюмов.

Но еще скучнее ему стало от песен и плясок поезжан. Что бы ни плясали, ни танцевали посланцы мегаполисов, городов, деревень, американских прерий и затерянных в океане островов, обнаженной Африки и закутанного в меха Севера — это был фрейлехс. Он мог называться танго, вальсом, фокстротом, румбой, ламбадой, дробцами, гопаком, лезгинкой, русской, чечеткой, танцем верблюда, кенгуру, страуса, он мог идти в сопровождении джаза, гитары, балалаек, бубна, кастаньет, волынки — это был фрейлехс. Не зря все мужчины носили жилетки: вступая в танцевальный круг, они по-ленински закладывали за борт большие пальцы.

И, что бы ни пели поезжане, это была «Идише мама». Все тарантеллы, баркаролы, грузинские застольные, армянские свадебные, русские народные, мадагаскарские ритуальные, «Плач ковбоя», «Типирери» — все отдавало скорбной «Идише мама». Даже когда одесские евреи грохнули свою любимую *с далеких нэповских дней* «Ужасно шумно в доме Шнеерсонов», то сквозь лихой мотивчик пробилась «Идише мама». Впервые в жизни у Вечного жида закружилась голова.

Невероятно стойкая в еврействе изначальная библейская тоска отравила их песни и пляски, даже одесскую бесшабашность, скорбь навечно поселилась в зрачках. Вечный жид уже не мог любоваться красотой женщин, со всех лиц: белых, черных, желтых — глядели выпуклые унылые близорукие глаза еврейских отличниц.

Казалось, в небе затерялся старенький биплан «ПО-2» — рокотало еврейское «р».

И стало скучно. Мир утратил свое многообразие. Казалось, он утратил и свое разноцветье, стал каким-то изжелта-серым. Исчезли тайны, игра, неожиданность, вспышки, все можно было высчитать и предугадать.

Утро четвертого дня праздников застало Вечного жида на скамейке Яузской набережной, в одном из самых скучных, словно навечно опечаленных мест столицы за Андрониковым монастырем. Он прибрел сюда ночью, спасаясь от надоевших праздничных толп. У него были апартаменты в лучшей интуристовской гостинице «Европейская Россия» на месте Малого театра, снесенного в перестройку за нерентабельностью. Но его воротило от праздничной толпы, фрейлехса, «Идише мама», раскатов гортанного «р», плачущих глаз, тонких ироничных ртов, от унылой безунывности людей, которым он подарил земной шар.

Теперь уже Вечный жид твердо, смиренно и печально знал, что этого ни в коем случае не надо было делать. Мир прекрасен своим разнообразием, противоречиями, непредсказуемостью, вспышками эгоистических стремлений. Подстриженный под одну гребенку, он стал скучен. А если засучить рукава и разъевреить человеческое стадо? Но как это сделать, разве есть сейчас *на свете хоть один не еврей? Даже если найдется* затерянное в складках мироздания племя или община или одна-единственная семья, у него уже не хватит сил для такой чудовищной работы. Он устал. (...)

Что сталось, то сталось. Теперь уже ничего не поделаешь. Он выдохся, но присутствовать на этом еврейском базаре ему невыносимо. Самое лучшее — уйти из жизни. Но он приговорен к бессмертию. Только сейчас ощутил Вечный жид весь ужас проклятия Христа. Что делать? Уйти в пустыню? Но где ты найдешь сейчас настоящую пустыню? Или приплетется бедуинья рвань с пейсами, или налетят суетливые и картавые по-местечковому туареги, или навоняют бензином и пошлостью участники «песчаного ралли». В нынешнем мире не спрячешься, пора пустынников миновала безвозвратно, особенно при таком активном, всепроникающем населении.

Где-то растворилось окно, в утреннюю тишь и свежесть ликующе хлынул фрейлехс. Закричали вспугнутые вороны ржавыми, картавыми голосами, снялись с парапета и куда-то бессмысленно понеслись, хлопая черными рваными крыльями.

Звонко цокая копытами, подошла лошадь в *соломенной шляпе, запряженная в шутейный* фургон, заставивший Вечного жида содрогнуться. Лошадь остановилась и, повернув морду, с иронической ухмылкой выложила на асфальт горку дымящихся темных яблок. Обмахнулась хвостом и зацокала копытами дальше. Налетела стайка *воробьев на редкое угощение* и зачирикала восторженно. Агасфер вздрогнул: похоже, птичья городская протерь чирикала «Сегодня шумно в доме Шнеерсонов». «Я, кажется, схожу с ума»,— подумал Вечный жид.

Он хотел встать, но какая-то тяжесть навалилась на плечи и опустила назад на скамейку.

— Я вам не помешал? — послышался тихий, вежливый голос, принадлежащий то ли женщине, то ли ребенку, отчетливый и словно бы лишенный плоти звука.

Вечный жид поднял голову. Перед ним находилось существо, такое же странное, как и его голос. Небольшого роста, с длинной шеей и маленькой головой, накрытой белым платком и черным арабским обручем; просторное белое одеяние скрывало очертания фигуры, но все равно было заметно несоответствие узких плеч и широкого таза, длинного туловища и коротких ног. Нижняя половина лица была прикрыта шелковой косынкой, а верхняя — массивными очками с сильными линзами, карикатурно увеличивающими радужки. Из-под халата выглядывали деревянные туфли, вроде клопов, превратившие ноги в гусиные лапы. Да и вообще незнакомец напоминал диснеевского Дональда Дака.

Вопреки очевидности, Вечный жид определил его как взрослого мужчину.

«Откуда этот франт?» — подумал Агасфер, так и не сумевший преодолеть в себе недоброжелательность к бывшим арабам. Кой черт занес его *сюда? Это место за праздником, здесь печально* и пустынно и пахнет той Москвой, какой она была век назад. И еврейские голоса птиц, и тонкая ухмылка кобылы не могут окончательно опохабить ее. Зачем он вторгся в мою скорбь со своей житейщиной, этот жалкий потомок гонителей моего народа, обернувшийся Дональдом-гусем?

— Иди своим путем, прохожий,— сказал Вечный жид.— Оставь меня наедине с моими думами.

— У меня есть к вам предложение,— своим неокрашенным голосом произнес незнакомец.— Вы не участвуете в празднике, вам плохо и хочется умереть. А я предлагаю вам вариант другой жизни. Она будет почти как смерть, ибо лишит вас всего, к чему вы привыкли: этой земли, этого солнца, этого неба, этих людей, этих птиц, зверей и растений. Она даст другой упор вашим стопам, другое светило, другое небо, все, все другое. Не знаю, принесет ли вам это счастье, ведь счастье внутри человека, а не снаружи, но даст покой душе и пищу ненасытному уму.

— Откуда ты знаешь, какой у меня ум?

— О, я много знаю. Я инопланетянин. Представитель высшей формации.— И он протянул Вечному жиду из длинного широкого рукава не руку, а щупальце, похожее на слоновый хобот, и коснулся его плеча.

Агасфера трудно было озадачить, но тут он не удержал вздрога. Он был наслышан об инопланетянах, зачастивших на Землю в исходе двадцатого столетия, но так и не вошедших в контакт *с людьми. Агасфер считал, что все рассказы* о знакомстве с инопланетянами, о «каботажных» полетах с ними по околоземной орбите — сплошная брехня или плод расстроенного воображения. Но летающие объекты из иных миров видели не раз и даже фотографировали. Впрочем, нельзя полностью исключить, что кого-то они увезли с собой. Есть списки таинственных исчезновений,

---

Окончание. Начало см. в № 10.

которые не объяснишь киднэпингом, убийством или самоубийством. И вот, оказывается, это правда — инопланетяне ходят по Земле. Но тут в нем заговорила природная недоверчивость:

— А где же ваша... ракета?

— На территории подпольного райкома бывшего Дзержинского района,— без запинки ответил инопланетянин.

— Что это значит? — надменно сказал Агасфер, решивший, что стал объектом недостойной шутки.

Инопланетянин говорил серьезно. Представление о том, что партия (ее верхушка, разумеется) целиком ушла в бизнес, воспользовавшись приватизацией и за бесценок скупив заводы, фабрики, рудники, копи, нефтяные скважины, алмазные россыпи, промыслы, дворцы, гостиницы, издательства, магазины, земли, парки, озера, реки, все, обладающее хотя какой-то ценностью, не соответствует действительности. Конечно, бизнес во главе угла, но были и другие заботы. Так, партия пыталась распространить опыт израильских кибуцев на весь мир и тем возродить колхозное движение с радостью коллективного труда, звонкой еврейской песней, отсутствием запасных частей для тракторов и комбайнов, горючего для машин и гниющим в поле урожаем. Из этого ничего не вышло, тогда партия сосредоточилась на идеологии. На пустырях, свалках, в заброшенных домах и усадьбах, в подвалах разрушенных церквей идет напряженное изучение «Краткого курса» *с упором на четвертую главу, кроме того, партия* уделяет большое внимание наркобизнесу, международной проституции, неофициальной медицине, экстрасенсам и космосу. На огромной захламленной (где надо, хорошо расчищенной) территории правобережного Лефортова разрушенного обводной скоростной трассой, которую закрыли, когда московский Петергоф был полностью уничтожен, находился самый надежный из космодромов для межпланетных сообщений. Все службы его, как и самого райкома, располагались под землей. Вообще подпольные владения партии в Москве превосходили систему метрополитена. А во дворе на площадке ожидает готовая к отправке ракета.

Ликовал фрейлехс над недвижной, грустной, мертвой рекой, опьяневшие от конского навоза воробьи чирикали «Шнеерсона» уже со словами, переругивались, картавя, вороны, маленькая грязная собачонка подбежала к высохшей липе и вскинула ножку, от ушей у нее спускались пейсы. Здесь нечего делать.

— Я готов! — сказал Агасфер...

Но, лишь приняв решение — со сбоем сердца и холодным потом,— он понял, какая ему привалила удача. Ведь не появись этот инопланетянин из подпольного Дзержинского райкома, он узнал бы всю тяжесть проклятия Иисуса. Самоубийство тоже заказано для него — «для бессмертного нет смерти», стало быть, он обречен вариться в этом котле до второго пришествия — да будет ли оно? — мучиться в еврейском раю, что для него *невыносимей ада. Уж не стал ли он антисемитом?* Этого еще не хватало! Вечный жид — черносотенец! Так далеко не зашла изначальная смехотворность мира. Он спас гонимый народ, ничуть не раскаивается в содеянном, но не хочет ни плодов своей победы, ни благодарности, короче, не хочет фрейлехса. Вот и все, он не хочет настолько, что готов покинуть Землю, даже не взглянув на отчий край, что дал ему жизнь две с лишним тысячи лет назад. Ему не с чем прощаться и не с кем прощаться: у него нет ни одной близкой души. Скорее прочь отсюда, на райкомовскую свалку, где, заваленная картонными ящиками из-под японских телевизоров, ждет нацеленная на чужую галактику ракета...

...В уютной, хоть и тесноватой кабине ракеты Вечному жиду открылась еще одна — решающая — удачность его поступка. Нравственно убитый провалом великой миссии, тем, что торжество обернулось поражением, он мечтал о смерти. Но сейчас, упорядочив свои чувства, он понял, что далеко не исчерпал интереса к жизни, что его крайне занимает новая, весьма обещающая авантюра.

Мысли о смерти не только покинули его, но снова, как в пору возникновения великой и обманчивой цели, ему захотелось жить. И не до Страшного суда, а вечно, не подыхать никогда, и все тут! Только бесконечная жизнь имеет смысл, а в любой долгий, но ограниченный срок человек ничего не успевает. Агасфер поймал себя на том, что допускает Христа не только как великого пророка, но как Божественное явление и допускает... да нет, верит в Страшный суд. Но вот где собака зарыта: Христос всесилен лишь в Божьем мире, в мире человека, созданного по образу и подобию Божьему, но не в мире существ, созданных по образу и подобию мультипликационного гуся. Страшный суд — это для людей, у них свой договор с Богом, а у обитателей космического Диснейленда свой Бог, не важно, как они его называют, и свой договор с ним. Правы толкователи речи Иисуса, говорившего лишь притчами и обиняками: «Ты не умрешь раньше, чем я вернусь»,— подразумевает второе пришествие и Страшный суд. Но туда, куда они держат путь, врезываясь в звезды, Христос не придет. Значит, бесконечна твоя жизнь, Агасфер...

Ликующее чувство Вечного жида вдруг поблекло, когда он представил себе, что навсегда обречен видеть вокруг себя таких уродов, как его пилот. Да так ли уж он уродлив? У него длинные стрельчатые ресницы над лягушачьим пучеглазием, но цвет этих буркалов — изумрудная синь, как небо Тьеполо, у него долгая, по-ящеричьи морщинистая шея и по-гусиному присадистое туловище, почти без ног, но движения плавны, успокаивающе ласковы, прикосновение щупальца было нежным и уж никак не омерзительным. К ним можно привыкнуть. У них немало преимуществ перед землянами: они не носят ни пейсов, ни жилетов, не картавят, не поют «Идише мама» и не танцуют фрейлехс, не едят кошерно и не увлекаются фотографией, а в глазах у них не застыла вековая скорбь. А ящеро-гусиная наружность, ей-же-ей, не лишена шарма!

Внезапно Вечного жида осенило, что там, куда они прибудут, роли переменятся: он будет инопланетянином, а его хозяева — коренниками. Нет, на это он не согласен. Что же, опять становиться *изгоем, уже не планетным, а вселенским?* Пусть они как хотят, но он будет называть их про себя по-прежнему инопланетянами. В этом решении было что-то жалкое, но и утешающее.

Полет проходил без приключений. Они миновали красный, будто раскаленный шар, и оказалось, что это Марс; долго полыхал за иллюминатором чудовищный пожар Юпитера; вдруг на ракету обрушился каменный дождь, отчего загудела обшивка. Какой-то шутник швырнул вкось пространства плоскую соломенную шляпу, Вечный жид узнал Сатурн, чьи кольца казались полями канотье. Затем появилось прекрасное хвостатое существо, плавно плывущее в глубь бездны, которое Агасфер принял за гигантскую вуалехвостку, и вдруг сообразил екнувшим сердцем, что это старая его знакомая — комета Галлея, которую он наблюдал из века в век в небе Земли; на нее грешили люди: заденет она нашу планету своим роскошным хвостом и спалит дотла. И тут впервые его сердце тронулось печалью об оставленном. Он все-таки привык к своему старому дому за две с лишним тысячи лет. Но то было короткое чувство, исчезнувшее раньше, чем дивная рыба отвалилась в мировую пустоту...

...Они плавно опустились на белый, залитый сиренево-серебристым светом космодром. Очевидно, их ждали: едва ли ради одного космонавта собралась гигантская толпа белых колышущихся фигур, запрудившая огромную площадь.

Отпахнулась низенькая дверца ракеты. Вечный жид *нагнулся и вышел наружу. Маленький* трап из блестящего голубоватого металла надежно принял его ступню. Не торопясь, с достоинством представителя великой цивилизации Агасфер сошел вниз.

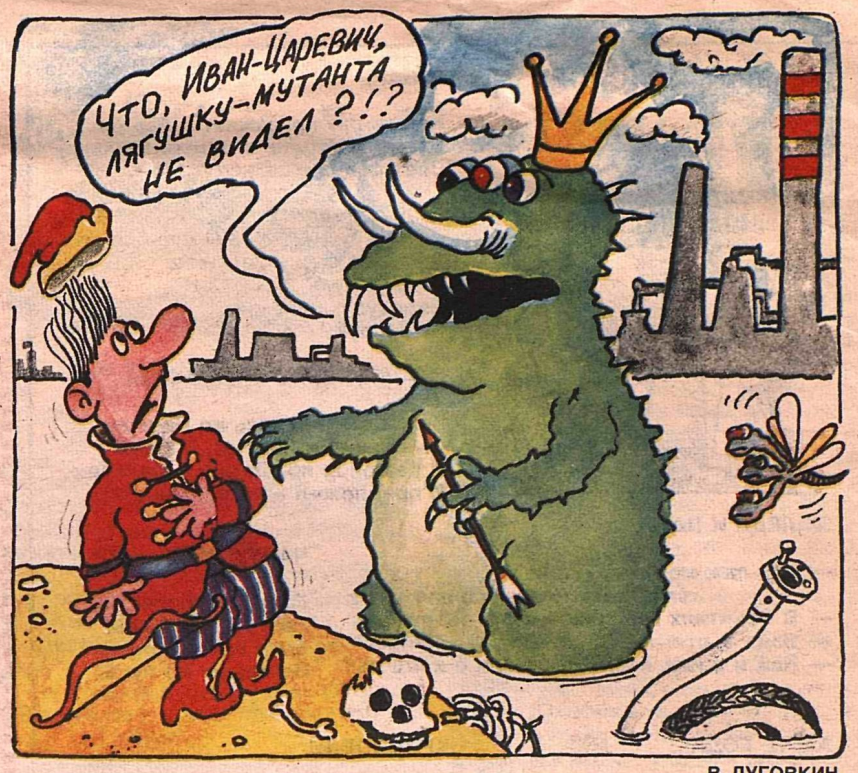
Три инопланетянина, видать, старшие среди своих, выступили ему навстречу. Длинное щупальце протянулось к его руке.

— Шолом! — звучным голосом сказал инопланетянин.

— Зей гезунд! — подхватила толпа.

Вечный жид отшатнулся, схватился за сердце, упал и умер.

В те короткие мгновения, которые отделяли смерть сердца от смерти мозга, он успел понять, что перестарался. Зараза вышла из земных пределов и пронизала все мироздание до последних галактик. Вселенная оказалась замкнутым пространством. Выхода нет...



В. ЛУГОВКИН.

КИНО-ЖУРНАЛ «ФИТИЛЬ»

С ПАНИБРАТСКИМ ПРИВЕТОМ!

Если уж такое случилось и все дарят «Крокодилу» подарки, разрешите вставить вам и наш «Фитиль» — одну историю из нашей «закадровой коллекции».

Тут в ноябре прошла по телевидению как бы юмористическая передача «Дубль-В». «Как бы» — потому что снимали на полном серьезе, словно это телевизионные новости. Никакого ключика к тому, что это юмор, не было. Мол, умный и так поймет. Но оказалось, что у нас в стране и с этим перебои.

Одним из эпизодов в передаче было интервью с художественным руководителем «Фитиля» Анатолием Тараскиным в заваленной мебелью редакции. Тараскин держал в руках учебник английского языка и с легким нижегородским произношением нес что-то английское.

— Вы что, куда-то собираетесь? — спрашивал наш редактор в образе репортера.

— Да, вот пригласили в Голливуд. Едем всем «Фитилем». Там уже и актеры наши — Крамаров, Леня Каневский, и авторов наших полно, и режиссеров. Теперь вот мы...

В заключение дали как бы прощальный кадр — на фоне приготовленной к отъезду мебели машут ручками работники редакции.

Часть мебели нам некстати нужно было перевозить в здание бывшего Госкино, где нам дали еще одно помещение.

На следующий день пришли грузчики. Огляделись:

— Валютой будете расплачиваться?

— Почему валютой?

— Так в Голливуд же уезжаете. По телевизору показали.

Начали объяснять, что это была шутка, что у нас и с рублями-то туго, не то что с валютой...

Еще через день стали появляться в редакции какие-то совершенно незнакомые люди и предлагали свои услуги.

— Хорошее знание английского,— тонко намекали они.

Тут и до нас доходило, чего они хотят...

Еще через день звонок из приемной первого зама Госкино. Спрашивают Тараскина. Я отвечаю, что он сейчас у вас, в Госкино, в комнате 206, но там еще телефона нет.

Через десять минут в комнату 206 пришел мастер, чтобы поставить телефон, по которому Тараскина тут же вызвали к первому заму.

— Председатель Госкино обеспокоен,— сказал он,— ему со всей страны звонят: «Фитиль» в Голливуд едет... А нас интересует: надо ли вас теперь финансировать?

Тараскин, проклиная все на свете, но в первую очередь редактора передачи, начинает объяснять, что это всего лишь шутка, что телезрители всей страны просто ее не поняли...

Первый зам тут же хватает телефон и звонит председателю:

— Не едут!..

Еще через пару дней повез Тараскин зарплату главному редактору на дом — тот был на бюллетене.

— Вы что же это, в Голливуд без меня?

Тараскин чуть на стенку не полез:

— Ну, вы-то... должны понимать, что это шутка!

— Значит, не едете... Слушай, а может, хотя бы мне поехать? Меня давно сын зовет. На год махну — пусть тогда хоть так слух подтвердится...

Больше полугода прошло со времени этой злополучной передачи, но отзвуки ее до сих пор играют с нами свои злые шутки:

— А что, разве «Фитиль» еще выходит? Вы же давно в Америке!

Но мы ни в какой не в Америке, мы все так же выходим, выдали на-гора́ уже 360 номеров. В этом году, кстати, «Фитилю» исполняется 30 лет, и мы вместе с поздравлениями дарим их «Крокодилу», как недостающие до ста.

Владимир ПАНКОВ,
ответственный секретарь киножурнала «Фитиль».

Яков КОЗЛОВСКИЙ

КАЛАМБУРЫ

(Из книги «Созвездие близнецов»)

В БАРЕ

Как-то раз приезжает в бар босс,
Всем известный в округе Барбос.
Враз две суки к нему.
Обе речь
С ним заводят:
— Мы вас оберечь
Здесь от скуки хотим...
— Недосуг!
Недосуг нынче мне.
Не до сук.

СТАНОВЛЕНИЕ НАЕЗДНИЦЫ

Когда она явилась ко Валерию,
Он оценил и нрав ее, и стать,
И разговор повел про кавалерию,
И предложил наездницею стать.

МИЛЕДИ И ПАЖ

— Где паж мой? —
спросила принцесса про пажа.
— В объятиях горничной ваша пропажа.
— Ведь был в тех объятиях сын Иеговы?
— Найти в них, миледи, смогли б и его вы!

ЧАСТУШКА

Горох ли, бобы ль,
Неплох и бобыль,
Если он на колуне
Не летает ко луне.

АХ, ТЕ ГОДА!..

Не знал упреков я от дам
В года прекрасного застоя.
Ах: те года!
Их и за сто я
Лет перестройки не отдам.

КРАСНОБАЙ

Говорить умели красно баи,
И слагать они умели бейты.
Пред людьми,
как в грудь себя ни бей ты,
Ими ты зачислен в краснобаи.

Е. СНЕЖКО, г. Ярославль.

Э. УСПЕНСКИЙ

Повесть

ПОДВОДНЫЕ БЕРЕТЫ

Дорогие ребята!
Те из вас, кто постарше, наверное, помнят, что была такая страна — СССР, в которой мы все жили. Теперь, конечно, она осталась только в сказках и повестях вроде моей (а все, что в ней написано, я сам видел — и людей, и дельфинов, и настоящую военную базу). Что касается СССР, то я эту страну для себя оставил, потому что писать, скажем, «страна Леонсивиллия» очень долго, а СССР — быстро и удобно: когда печатаешь на машинке, можно просто три раза подряд стукнуть по одной букве, и в пальцах не путаться. А если, кроме этого СССР, вам попадется еще какое-нибудь совсем уж незнакомое название или имя, так это ничего страшного: не перепридумывать же мне заново!
Ваш Эдуард УСПЕНСКИЙ.

Глава первая

НАБОР В ДИВЕРСИОННУЮ ШКОЛУ

О том, что в одной тихой бухте Тихого океана открывается новая особая диверсионно-подводная школа, мало кто знал из презренных сухопутных душ. Потому что объявление об этой школе было помещено под водой.

Диверсионная школа из своих курсантов, в основном дельфинов, должна была готовить особые подводные войска с таким затуманенным названием «Подводные береты». В задачу «беретов» входило: ликвидация, уничтожение, захват, потопление и поиск. Для такой опасной и сложной работы нужны были ребята с железными нервами, ластами и мозгами.

Дохленький дельфин Генри не имел ничего подобного. Но он имел надежного друга Тристана. Оба они работали второй сезон в дельфиньем цирке «Глобус» на курортном побережье Тихого океана. Игра в баскетбол, прыжки через горящее кольцо, езда в упряжке и другая выступляльная дурь...

— Рискнем? — спросил Тристан.

— Рискнем,— ответил Генри.

В программу экзаменов входило:

1. Ориентировка на местности.
2. Умение пользоваться биолокатором.
3. Медицинская справка.
4. Сдача экзаменов за четвертый класс средней школы. (Т. е. умение читать и считать до ста.)
5. Разное.

Вот это разное больше всего беспокоило Генри. Что-то неизвестное скрывалось за ним.

Что касается Тристана, его ничего не беспокоило. У них двоих думание и беспокойство входило в обязанности Генри.

Прошедшие вступительные испытания получали звание рядового государственной армии ШСА и зарплату, соответствующую зарплате лейтенанта той же армии на берегу.

Все дело было в том, что к этому времени русские, продолжая неустанную борьбу за мир, изобрели новое секретное оружие — подводную лодку, переходящую в самолет. И из генерального штаба немедленно в главное управление морского флота поступило указание: «Лодку взорвать, а потом сфотографировать, т. е. наоборот».

Так как в армии ШСА тогда не было военнослужащих, способных выполнить такой приказ, пришлось срочно организовывать школу подводных диверсантов.

К сожалению, в это время в штат морской разведки армии ШСА, куда-то в верхние эшелоны внедрился первоклассный русский разведчик. И не успели еще чернила высохнуть на первом варианте приказа, как текст его уже лег на стол главнокомандующего военно-морскими силами СССР маршалу Сухому Власу Афигенычу (Афиногенычу).

— Та шо они вже совсем с ума повсходили? — закричал маршал Афиногеныч.— Они ж нас разорить хочут. Нам только дельфинов не хватало.

И он тоже подписал приказ о наборе курсантов в школу подводно-диверсионной работы с условным названием «Белочка».

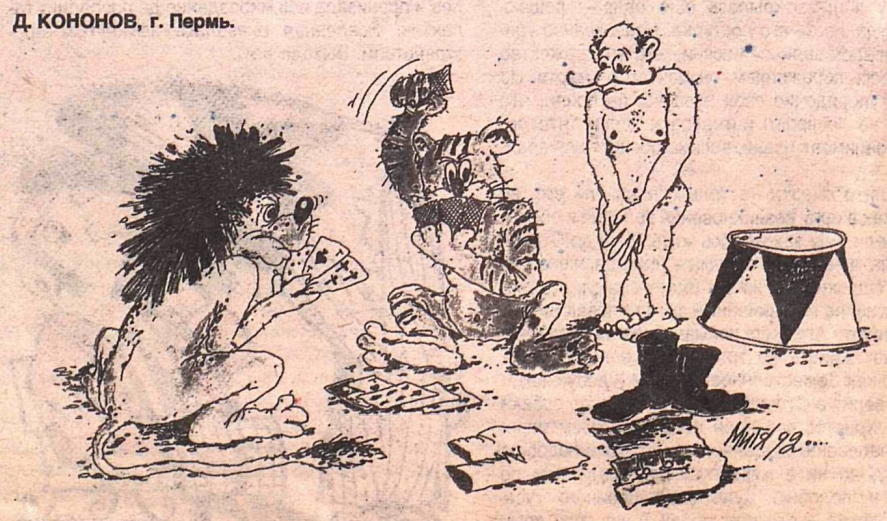
Сначала он хотел назвать эту школу «Дельфиний питомник «Красная звезда», но его заместитель по подводной работе по крымскому побережью генерал Мокрый А. В. сказал:

— У нас есть собачий питомник «Красная звезда», театр «Красная звезда», духи «Красная звезда» и даже газета «Красная звезда». Надо придумать более романтическое название. Например, «Анфибия».

Но слово «Анфибия» слишком демаскировало. Любой шпион, прочитав телеграмму-приказ «О выделении трех тонн рыбы для военной части № 5478-47 «Анфибия», все сразу раскусил бы. А если рыбу выделили военной части № 5478-47 «Белочка», поди догадайся, что это такое. Скорее всего, пионерский лагерь для детей военных типа «Артек».

И так началось. Одна школа на Филиппинах, другая — между Ялтой и Се-

Д. КОНОНОВ, г. Пермь.



Тотоши и Кокоши

вастополем. В Ялтинскую школу, помимо дельфинов, набрали еще морских львов для несения военно-охранной морской службы и мелких морских котиков для мелких подсобных военно-подводных работ: погрузка, разгрузка, доставка почты и легкие водолазные работы типа спасения утопающих.

Набор в советскую диверсионную школу проходил без всяких там демократических сложностей. Вывели в море два катера с огромной японской сетью, загребли ближайшую стаю дельфиньего молодняка, вот тебе и весь набор.

Ближайший рыболовецкий колхоз обнесли колючей проволокой и объявили военной частью. Председателю колхоза присвоили воинское звание полковника, всем остальным его замам соответственно дали звание пониже. Каждому колхознику выдали воинское обмундирование и запретили ходить в самоволку за колючую проволоку. Колхоз должен был снабжать дивбазу (диверсионную базу) «Белочка» рыбой.

Из уголка Дурова выписали несколько дрессировщиков и срочно их засекретили.

И вот уже летит над Крымским полуостровом небольшой военный вертолет, а в нем — целая бригада из разведштаба во главе с двумя генералами. Один местный, другой из Москвы. Один Сухой, другой Мокрый.

Вертолет подлетает к морской базе и делает над ней круг. Мы видим картину полуострова сверху.

— А что,— говорит первый мужской голос,— местность для морской базы выбрана чрезвычайно умно: горы, лес и, главное, море.

— Так точно,— соглашается второй мужской голос,— без моря дельфинам было бы трудно. А особенно кораблям.

Вертолет снаружи зеленый и суровый. А внутри его кабина обита бархатом и заставлена мягкими креслами. До полного комфорта только паркета, картин на стене да люстры на лонжероне не хватает.

— Як вы думаете,— спрашивает Сухой, московский генерал, местного генерала Мокрого,— не ошиблись ли мы с Моржовым? Потянет вин таку работу?

— Он очень опытный,— отвечает Мокрый генерал.— Раньше он суворовскую школу возглавлял. Потом — торпедный склад. А дельфины — они же где-то похожи.

— Значит, справится. Я думаю, вы его из-за фамилии выбрали. Уж больно морская.

— Начали-то мы с фамилии...

Руководящая армейская молодежь в лице полковника и майоров, затаив дыхание, слушает беседу руководящего состава и учится.

— А как вы с дельфинами говорите? Они, что ли, знают чоловичью мову?

— Некоторые с трудом говорят. А другим выдаем преобразователь речи. Он с дельфиньего переводит на любой.

— Это интересно,— задумался Сухой командующий.— А не бувает у вас такого же, чтобы с русского на английский преобразовывал? Мне тут поездочка светит в ШСА.

— Я думаю, его можно перенастроить... — ответил Мокрый.

А в главной клетке Севастопольского дельфинария выходила из себя красавица дельфиниха Павлова:

— Они еще говорят о свободе личности! О любви к природе! Забрали всех сюда, никого не спросив, и думают, что человек — царь природы.

— Слушай, Павлова, не бесись,— говорил огромный и спокойный дельфин Сидоров.— Ты же ведь здесь из любопытства. Ты же прекрасно знаешь, кто не хочет быть здесь — не будет здесь. Неужели ты не можешь взять зубами за руку тренера и немножечко прижать, чтобы он открыл тебе дверь наружу? Или этот низенький заборчик для тебя преграда? Тебя изучают люди, а ты изучаешь людей.

— Я уже один закон открыла,— отвечала Павлова.— Вон видишь, железка висит? Когда матрос стукнет железкой об железку, вон тот дядька в плаще понесет нам рыбу в ведре. Это явление я назвала «железковая память».

— Этот дядька в плаще очень добрый. Его зовут дядя Яша.

Оба генерала, московский и крымский, не торопясь, шли по бетонной стреле, направленной в море, и заглядывали в клетки-вольеры.

Их сопровождал полковник Моржов. Другая командная мелочь была оставлена на берегу ввиду секретности разговора.

— Ничего, вид у них здоровый! — говорил московский генерал.

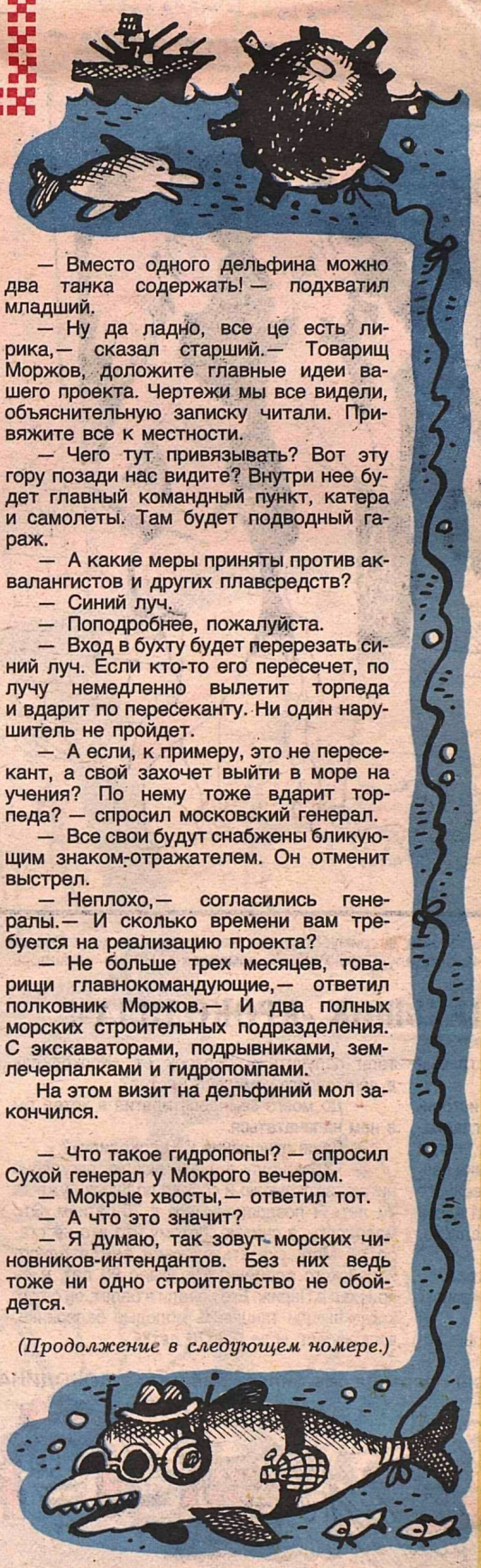
— Еще бы, стараемся,— отвечал крымский.— Мы им столько рыбы скармливаем, два районных города можно прокормить.

— А если их перевести на комбикорм? — задал вопрос старший генерал.— Или там — на сено?

— Это мысль,— подхватил младший.— Как вы на это смотрите, полковник Моржов?

— Передохнут,— ответил Моржов.

— Да, дорогонько они нам обходятся,— грустил старший начальник.



— Вместо одного дельфина можно два танка содержать! — подхватил младший.

— Ну да ладно, все це есть лирика,— сказал старший.— Товарищ Моржов, доложите главные идеи вашего проекта. Чертежи мы все видели, объяснительную записку читали. Привяжите все к местности.

— Чего тут привязывать? Вот эту гору позади нас видите? Внутри нее будет главный командный пункт, катера и самолеты. Там будет подводный гараж.

— А какие меры приняты против аквалангистов и других плавсредств?

— Синий луч.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Вход в бухту будет перерезать синий луч. Если кто-то его пересечет, по лучу немедленно вылетит торпеда и вдарит по пересеканту. Ни один нарушитель не пройдет.

— А если, к примеру, это не пересекант, а свой захочет выйти в море на учения? По нему тоже вдарит торпеда? — спросил московский генерал.

— Все свои будут снабжены бликующим знаком-отражателем. Он отменит выстрел.

— Неплохо,— согласились генералы.— И сколько времени вам требуется на реализацию проекта?

— Не больше трех месяцев, товарищи главнокомандующие,— ответил полковник Моржов.— И два полных морских строительных подразделения. С экскаваторами, подрывниками, землечерпалками и гидропомпами.

На этом визит на дельфиний мол закончился.

— Что такое гидропопы? — спросил Сухой генерал у Мокрого вечером.

— Мокрые хвосты,— ответил тот.

— А что это значит?

— Я думаю, так зовут морских чиновников-интендантов. Без них ведь тоже ни одно строительство не обойдется.

(Продолжение в следующем номере.)

ДЕТСКИЙ КИНОЖУРНАЛ «ЕРАЛАШ»

ДОРОГОЙ ДЕДУШКА «КРОКОДИЛ»!

С младенческих лет мы слышали твое грозное и в то же время жизнерадостное пощелкивание зубами. Ты всегда был там, куда тебя посылали. А посылали тебя туда, где трудно. Ты был беспощаден ко всему, что мешало жить. Хотя иногда ошибался, съедая по ошибке хороших людей. Но такое было время... Даже не верится, что тебе уже семьдесят. Ты прекрасно выглядишь, хотя выходишь на охоту реже, чем раньше.

Сегодня, когда борьба за выживание крепчает день ото дня, тебе, дорогой дедушка Крокодил, так же нелегко, как и всему эсэнгевскому народу. Но мы верим, что ты справишься с любыми экономическими трудностями и по-прежнему будешь идти в авангарде сатирического цеха. Можешь всегда рассчитывать на нашу помощь и поддержку.

Мы долго думали, что подарить тебе в этот знаменательный день. И решили подарить тебе самое дорогое, что у нас есть,— сюжет, который придумал наш автор Владимир ЗАЙКИН.

Еще раз поздравляем с юбилеем!

ТВОЙ ВНУК — «ЕРАЛАШ».

Подарок вручили директор Б. ГРАЧЕВСКИЙ и редактор Л. ТРЕЕР.

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

В комнате трое: папа, мама и сын лет одиннадцати.

— Виктор,— сказал папа,— мы с мамой устали с тобой бороться. Поэтому с сегодняшнего дня разрешаем тебе курить открыто.

— Правда, что ли? — Сын недоверчиво смотрел на отца.

— В честь такого события,— сказала мама,— папа купил тебе пачку хороших сигарет.

— Гы.. Во дают! — Витя взял в руки пачку «Мальборо».

— И отличную японскую зажигалку!

— Ну, вааще! — восхитился Витя.

— Но поскольку у нас в доме никто не курит, будешь дымить, ну, скажем, в гараже. Согласен?

Витька захлопнул за собой дверь гаража, торопливо достал из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой.

В последний момент он успел увидеть таблички на ящиках и канистрах: «Осторожно! Огнеопасно!»

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!!

В гараже грохнуло.

Стоя у окна и задумчиво глядя на пожарище, мама сказала папе:

— Ты не находишь, дорогой, что это чересчур строгая мера?

— Знаешь, милая,— сказал папа,— здоровье ребенка все-таки дороже...

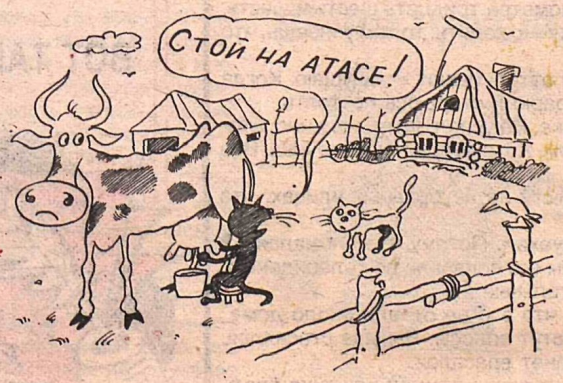
С. СПАССКИЙ

ЛЕТНЕЕ

Жарко. За лесом катается гром.
А папа спит под березкою сладко.
На папино ухо — комародром —
Комары производят посадку.

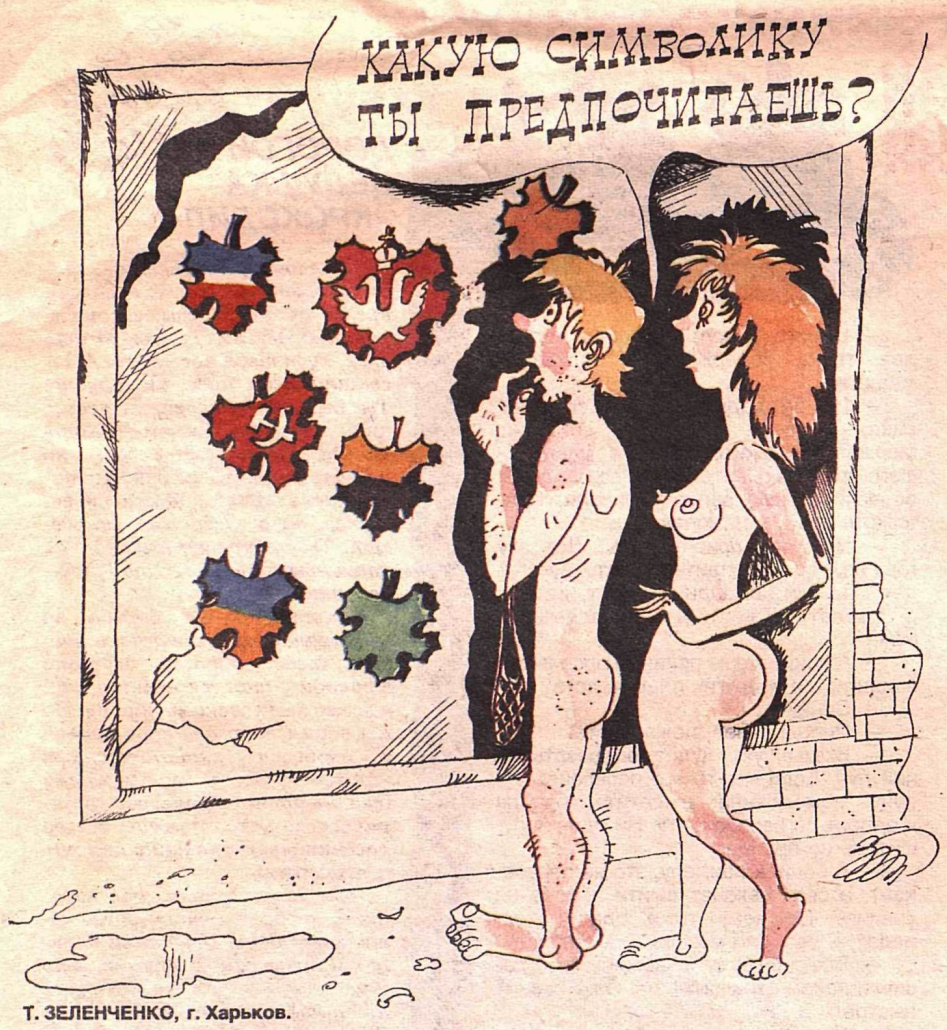
И, крылья сложивши, бегут комары
Торопливо к буфетной стойке:
— Стаканчик красненького, будьте добры!
— И мне, пожалуйста, столько...

Замерцали рубинами, отерли усы
И снова высматривают кого-то...
«Второй, отрулите от взлетной полосы!
Первый, приготовиться к взлету!»



В. ЛУГОВКИН.

ОТВЕТЫ НА «ВЕСЕЛЫЙ ЗАДАЧНИК», опубликованный в № 10: 1. Сто штанов. 2. Узнает. 3. Двадцать шесть раз. 4. Не проспорила. 5. У старого дуба.



Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

За подарком от Театра сатиры мы зашли в гримуборную к народному артисту России Спартаку Мишулину. Он преподнес «Крокодилу» свою новую юмореску. Но не обошлось, конечно, и без блиц-интервью...

СПАРТАК — БОЛЕЛЬЩИК «КРОКОДИЛА»!

— Спартак Васильевич, вы счастливый человек?

— Конечно. Мой дядя был доктор исторических наук, написал работу о римских гладиаторах: «Спартак и Аристоник». И вот, когда я родился, он настоял, чтобы племянника назвали Спартаком. А потом своего собственного сына дядя назвал уже Аристоником. И здесь мне действительно повезло: представляете, что б я делал с таким именем?!

— Скажите, вы болеете за «Спартак»?

— Само собой. Спартак «Спартака» видит издалека.

— Спартак Васильевич, а что бы вы хотели получить в подарок от «Крокодила» в день своего семидесятилетия?

— До моего семидесятилетия я хотел бы в нем напечататься.

— Ваше отношение к «Крокодилу»?

— «Крокодил» я очень люблю, регулярно читаю, выписываю и собрал подшивки уже за 20 лет. Я поздравляю его с 70-летием. Это молодость, я считаю, потому что это не старость! Могу сказать словами вождя одного индейского племени. Ему было 90 лет, и он приехал в Париж. Его повели в балет, он сел и, когда вышли танцевать молодые балеринки, воскликнул: «Где мои 70 лет?»

Театр сатиры посетила без билета Валентина БОРОДИНА

Спартак МИШУЛИН

РАДУЮСЬ

Я радуюсь, что жив. Радуюсь, что не в больнице. Что сердце бьется. Кислород поступает. Радуюсь, что я еще теплый. Что на термометре тридцать шесть и шесть.

Радуюсь, что на улицах сплошные очереди. Не скучно ходить: то там узнаешь, что почем, то в другой очереди.

Радуюсь, что толкаюсь среди своих. Когда меня отталкивают — ощущаю. Когда выталкивают — чувствую. Когда сажают — благодарю и стараюсь постоять.

Радуюсь, что не буду народным СССР. Поздно уже. Не успел. Хотя, конечно, кто-то народный с этими буквами, а я нет. Да и черт с ним. Хотя обидно, но не очень. Все равно радуюсь.

Радуюсь, что не упал в грязь. Что не сломал ногу на неубранных улицах, что автомобиль не обрызгал, проезжая мимо.

Радуюсь, что троллейбус подождал меня и не уехал. Потому что сломался.

Радуюсь, что услышал обещание по радио. Потом его показали по телевидению. Радуюсь, что тут же забыл об этом, как и все остальные.

Радуюсь, что купил что-то на что-то. Радуюсь, что это не отняли около дома.

Радуюсь, что у меня на ногах, груди и спине растут волосы. Раньше стеснялся, теперь холю, чтобы стали погуще. А то зима застанет врасплох.

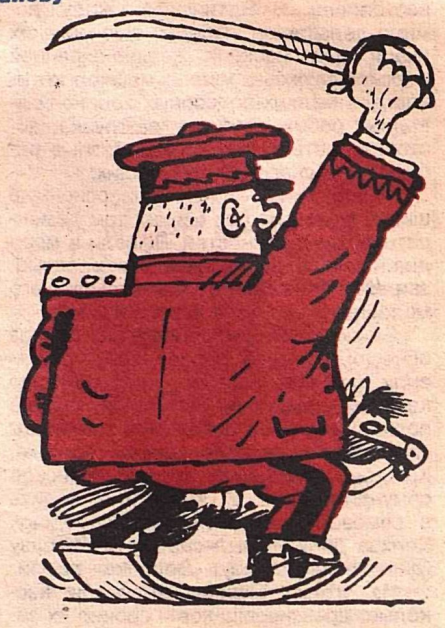
Совсем обрадовался, когда узнал, что парламент скоро примет решение брать налог на землю в сумме один рубль за квадратный метр. Это разумно. Теперь хоронить будем стоя. Так выгоднее и дешевле.

И, наконец, радуюсь, что весь наш народ тоже радуется тому, чему радуюсь я.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

ИМЕНЕМ НАРОДА

Почему писателю Александру Проханову нравится «сидеть на дыбе»?



Любят у нас политики брать на себя роль спасителя масс, хотя не каждому представителю народа иные защитнички по сердцу. Иных витий уполномочивает бороться за народное счастье, к примеру, стотысячная толпа их единомышленников, а они почему-то думают, что это и есть ВЕСЬ народ, и ведут себя так, словно они лидеры не отдельно взятого движения, а вожди всей страны.

Выразителями дум и чаяний ВСЕГО народа предстали перед нами в начале года организаторы Всенародного Вече. ВЕСЬ народ на Манежной площади не собирался, не просил инициаторов Вече, его участников вещать с трибуны от имени всех и каждого, и тем более не давал он Думе этого Вече неограниченной власти. Слов нет, красиво звучит документ, принятый на Вече: «Мы, народ Московский и Всея Руси, собрались на свое Вече...» Но не народ же, братцы вы мои, а микроскопическая его частица митинговала в тот мартовский день — что ж вы за всю Московию, за всю Русь расписываетесь, от имени всех москвичей и русичей наказ генералу Макашову даете:

— провести радикальную денежную реформу..,

— отменить приватизацию..,

— приступить к разработке пятилетнего плана повышения жизненного уровня трудящихся...

Это все, значит, и от моего имени и от имени сотен моих родственников, друзей, знакомых, соседей, сослуживцев? Но все они, мне доподлинно известно, не жаждут более приступать к пятилетним планам и вспоминают о них только в жанре анекдота, они за приватизацию и не желают грабительской денежной реформы. И уж совсем им не по пути с генералом Макашовым, нет у них для него каких-либо просьб, поручений, наказов.

Есть одно пожелание для генерала: чтоб помнил — 17 марта его кандидатуру на пост главы государства СССР (!) не народ выдвинул, а одна Манежная площадь. Поэтому зваться он может только кандидатом в руководители Манежной площади. Это тоже почетно, но до Всенародного и даже просто народного доверия еще далековато.

Данное пожелание отнюдь не лишне: генерал Макашов и его соратники, вошедшие в Думу Всенародного Вече, вообразили себя всенародными выдвиженцами и выступили в печати с решительным заявлением:

«...Дума Народного Вече, опираясь на волю народа и выполняя возложенную на нее народом миссию, считает необходимым объявить: до формирования новой конституционной власти ни одно решение президента России, ни одно правительственное решение, если они не согласованы и не одобрены Народной Думой, не имеют юридической силы и не действуют на территории республики».

Чуть позже, в апреле, мания величия проявилась у членов Думы в решении лишить наград и званий ненавистных ей государственных деятелей. Повелела она содрать ордена — за предательство интересов народа — с М. С. Горбачева, оставив ему на память один только орден, полученный им в юности за трудовые успехи в уборке урожая. Одновременно Дума разжаловала в полковники маршала Шапошникова — за развал Советской Армии и многие другие прегрешения.

Кстати, после этого Шапошников докатился до рядового — столь суровое постановление уже вынес Постоянный Президиум съезда народных депутатов несуществующего СССР. Сам маршал, как вы догадываетесь, и не думал приобретать себе погоны сначала полковника, а затем рядового — мы регулярно видим его на экранах телевизоров в маршальской амуниции и в хорошем настроении. Возможно, он и слыхом не слыхал о решениях Думы и Президиума, а если и знаком с ними, то, наверное, попросил свою жену отменить их. А что: коли эти странные, полумифические органы присваивают себе право казнить и миловать, почему бы и жене репрессированного маршала не покомандовать?

Вы заметили: возникающие там и сям общественные организации, не успев заявить о себе, с ходу берутся решать сложнейшие проблемы государственного масштаба? Районный или город-

СМЕХ

ВОТ ТАК ВОТ!

Каждому члену литературного общества «Арзамас» давалось прозвище. У В. Л. Пушкина оно было «Вот». Однажды случилось, что он, едучи из Москвы, написал эпиграмму на станционного смотрителя и мадригал его жене. И прислал их в «Арзамас». И то, и другое признали плохим, и Пушкин был разжалован из имени «Вот». Ему дали другое прозвище: «Вот — рушка!» В. Л. чрезвычайно огорчился и упрекнул «Арзамас» новым дружеским посланием, которое начиналось так: «Что делать! Видно, мне кибитка не Парнас! Но строг, несправедлив ученый Арзамас!» При рассмотрении этого послания оно было признано хорошим, и Пушкину возвратили прежнее «Вот» с прибавлением «я вас», т. е. «Вот я вас». В. Л. был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал.

ской уровень их никак не устраивает, будничные, повседневные дела не прельщают. По душе им громогласные демарши, широковещательные акции обличительного свойства, не требующие глубокого анализа и кропотливой работы. Нахрапистость и безаппеляционность — вот отличительные черты многих движений, объявивших себя радетелями земли русской.

Зачем «Трудовой России», оправдывая свое название, двигаться в фарватере слова «труд», если можно взять на вооружение слова позвончее, похлеще, поагрессивнее. Выкрикни: «Империя лжи!» в адрес тружеников (может, поэтому — «трудовая»?) голубого экрана, и ты уже в телекамерах, на телеэкранах, чуть ли не в качестве Минина и Пожарского.

Зачем Московскому народному собранию предпринимать конкретные шаги по улучшению жизни москвичей, если проще предъявить ультиматум генералу Неткачеву, бывшему командующему 14-й армии, пригрозив объявить его изменником Родины. Усилий на грош, а звон великий и репутация народного защитника обеспечена.

Но высший кайф для политиканов — пострадать за народ с последующим восхождением на геройский пьедестал, на котором в последнее время образовалась приличная давка. Уж очень много желающих принести себя в жертву — прилюдно, с обнародованием в прессе. Для одной только газеты «День» может понадобится персональный пьедестал — столько там скопилось героев. То критик В. Бондаренко демонстрирует готовность пожертвовать благополучием своих близких и близких соратников, намереваясь сражаться с оккупационным режимом «до последней сережки в ушах наших жен и дочерей» («День», № 20), то главный редактор А. Проханов, правда, в газете «Новый взгляд» (№ 24), мечтает, чтобы власти арестовали его,— тогда сразу все узнают, какой он герой, как он любит свой народ. Огорчается А. Проханов, что сейчас не 42-й год, а то, говорит, «я бы пошел в партизаны, я бы рвал рельсы, по которым вы (нынешние власти.— Э. П.) ездите, меня бы ловили ваши военные комендатуры...» Я, говорит, не возражаю, «если вы будете меня мучить, пытать, посадите на дыбу».

Вот на какие немыслимые жертвы готовы люди. И все ради счастья народного, за которое, собственно, и сражается самоотверженно «День». Но я думаю так: пошло это — навязывать народу свой героизм. Если кому-то нравится снимать украшения со своих жен и дочерей и быть поднятым на дыбу, это, как говорится, их личное дело, хотя чисто по-человечески мне их, бедолаг, все же жаль. Желают ходить в страдальцах, пусть ходят, но, так сказать, в частном порядке, не возводя себя в ранг апостолов, не изображая из себя спасителей народа.

Народу и впрямь тяжко, но вид корчащегося на дыбе писателя, даже такого героического, как А. Проханов, вряд ли прибавит ему оптимизма.

ЧЕРНУШКА

М. ЛАРИЧЕВ, г. Пушкин.

А. ДЬЯКОВ, г. Хвалынск.

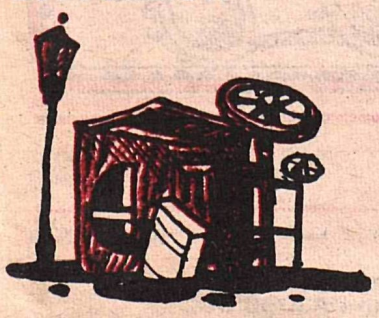
В. ЗИНОВИК, г. Бахчисарай.

М. ТАИРОВ, г. Бузулук.

С. КРУЖАЛОВ, г. Владимир.

СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ БУРГОМИСТР



Плохие дороги, плохие дороги... Во времена оны в одном маленьком городе близ Мюнстера бургомистр, которого городские депутаты обвиняли в плохом содержании дорог, сказал в свое оправдание: «То, что принимают за небрежность с моей стороны, есть мудрое попечение о благе наших сограждан, и я горжусь результатом моей сообразительности. Кто главным образом ездит по плохим дорогам? Проезжие купцы и путешествующие господа в своих экипажах. Благодаря тому, что эти экипажи опрокидываются на наших плохих дорогах и у них ломаются колеса и оси, наши содержатели гостиниц, колесные мастера, наши кузнецы, хирурги и ветеринары зарабатывают много, а общине поэтому и нужно оставить в покое плохие дороги. Чем они становятся хуже, тем большие суммы денег переходят к нам из карманов путешественников».

ВЕЛИКОДУШИЕ

Луиджи Керубини однажды присутствовал на генеральной репетиции одной из своих опер. Исполнитель главной партии был певцом старательным, но не очень способным. После окончания репетиции кто-то заметил композитору:

— Певец сделал все, что мог. Почему бы не сказать ему несколько теплых слов?

— Вы правы,— ответил Керубини.— Позовите, пожалуйста, его.

Певец подошел. Композитор протянул ему руку:

— Я не сержусь на вас!

Близнецов «ССС» нянчили москвичи А. БЕЙЛИН, В. ЛЮДМИЛИН и А. ФЮРСТЕНБЕРГ.

Януш ПЛУЦЕННИК
(Польша)

НИЗВЕРГАТЕЛИ БЫЛОГО

Они были молоды, гневны и полны пыла. Когда подошли ко мне на улице, я почувствовал страх.

— Вы не из бывшей коммунистической номенклатуры? — спросил один из них с надеждой.

— Не сподобился,— ответил я.

— Черт, опять не повезло,— огорчился второй.

— Что же нам теперь делать? — воскликнул первый.— Всю номенклатуру уже разоблачили! Ужасно! Опрокинули все памятники, поменяли названия всех улиц — и дальше что?

Я остановился.

— Что-нибудь да осталось, наверно,— сказал я.— Это какая улица?

— Тракторная.

— А тракторы разве не в проклятом СССР покупали? — подсказал я.

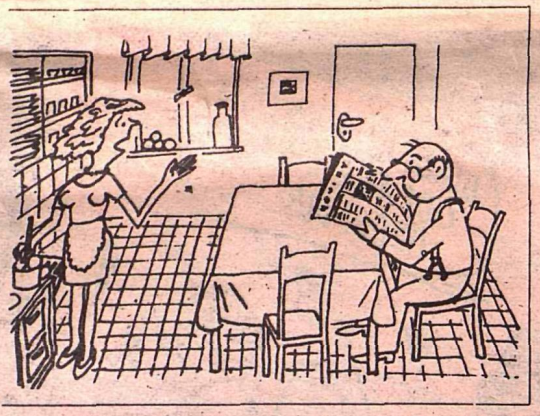
Они расцеловали меня в обе щеки.

— А Жасминная, Астровая, Садовая...— перечислял я.— Что делал Жасмин при Сталине? В кого стрелял Астра? Сколько душ на совести Садового?

— Ребята! За дело! — завопил первый.— Срывай таблички!

— Да, еще Водопроводная! — крикнул я вслед.— Это же номенклатура нарочно прокладывала — чтобы народ набрал в рот воды и молчал...

Перевел Г. КУЗНЕЦОВ.



— Если хочешь меня воспитывать, надо было меня удочерять, а не брать в жены!

«Дикобраз», Чехия.

«Шлуота», Литва.

Подписывайтесь на

КРОКОДИЛ-93!

**Трудно теперь КРОКОДИЛ отыскать —
Нету в киосках с названьем «Печать».
Ищут его повара и спортсмены,
Брокеры, докеры, пенсионеры,
Ищут врачи — но не стоит стараться:
Лучше вам всем на журнал ПОДПИСАТЬСЯ!**

ЦЕНА нашего номера 10 рублей.
ПОДПИСКА на квартал 30 рублей.
ПОДПИСКА на полгода 60 рублей.

Помните, что в ближайшие месяцы цена журнала может увеличиться, и только наши подписчики застрахованы от инфляции!
Да и, кроме того, мы надеемся на вас, наши верные друзья!

**Чтоб до самых до окраин доходил
Наш любимый, наш веселый «Крокодил»,
Позвоните поскорее к нам сюда,
Кишлаки, аулы, села, города!**

**ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ!
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ:
212-15-47!**

**Всякий может на машину накопить,
Коль захочет «Крокодил» распространить.**

ТУРАНДОТ

— Калаф, почему из рюкзака, в котором вы принесли ответы читателей на читательские же каверзности № 9, пахнет... колбасой?!

— Сказочная Турандот! Я, конечно, в курсе, что принцессы не могут заснуть, если под их перины и пуховики закатилась махонькая горошина. И разумеется, я помню наизусть меню этих неземных созданий: немного цветочной пыльцы, несколько капель росы, ну, пожалуй, и все. Но я точно знаю, что истинная принцесса, как самая обыкновенная госпожа трудящаяся, подчас нуждается в заурядном бутерброде с колбасой.

— А разве вы не пригласите меня в крокодильскую столовую?

— Увы, она закрылась из-за собственной дороговизны. А посему позвольте предложить вам, ваше высочество, маленький бутерброд. Но с большим чувством.

— И, как я понимаю, это колбасное чувство стремительно возрастает по мере прочтения трехбалльных ответов?

— Разумеется! Вместе с **А. Ленской** из Воркуты, Игорем **Петровым** из Ставропольского края, Евгением Федоровичем **Иглиным** из Санкт-Петербурга и еще с тридцатью шестью отгадчиками каверзности I степени мы побывали на острове Диком, где водятся дикие колбасы. Пантагрюэлю, детищу Франсуа Рабле, чтобы добыть колбаски, пришлось вступить в нешуточное сражение. Правда, как пишет **Р. О. Фатеева** из Мурманска, *«что его сражение по сравнению с нашими магазинными битвами!»*.

— Желаю эрудитам приятного аппетита и пантагрюэлевского боевого задора.

— Но это и гусарское качество!

— Что это вы вдруг о гусарах, принц? К слову, обожаю гусар!

— Если я вырвал у вас это признание, ветреная Турандот, считаю, что пора переходить к каверзности II степени.

— Ах, она о Давыдове, то бишь Денисове, как назвал его в «Войне и мире» Толстой. Кстати, сколько читателей присудили себе по шесть баллов?

— Шестьдесят шесть, как по заказу! Именно столько толстофилов уличили Льва Николаевича в рассеянности, ибо молодой гусар Васька Денисов имеет отчество «Дмитриевич», а уже вполне взрослый гусарский генерал Денисов превращается в «Федоровича».

— Бог мой, граф написал целую эпопею, ведь он в конце концов не сапер, чтобы не иметь права на ошибку!

— Вы, как всегда, великодушны, принцесса. Позвольте обратить ваше внимание на каверзность III степени?

— Позволяю, хотя и неохотно. Там что-то такое необъективное о нас, дамах.

— Необъективен, даже несправедлив Африкан Семенович Пигасов из тургеневского «Рудина»: «... мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка».

— Ну, и кто из читателей с этим согласен?

— Москвич **В. Пасечник,** Ришат **Сайфутдинов** из башкирского поселка Комсомольск и еще 12 читателей.

— Все, конечно, мужчины?

— Вы необыкновенно проницательны, принцесса, но обижаться не стоит: эрудиты лишь начисляли себе по 9 баллов, а к дамскому полу и к вам, в частности, не сомневаюсь, относятся с неизменным восхищением.

— Ах, Калаф, вы всегда выкрутитесь. Посмотрим, выкрутятся ли знатоки, отгадывая новые

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

«Хоть лоб широк, да мозгу мало!»

Кто автор этого энергичного утверждения, и по какому поводу оно произнесено?

(3 балла).
А. БЕЙЛИН, г. Москва.

Каверзность II степени

Могут ли на неделе быть три воскресенья?

(6 баллов).
Сильвер Га-Д'О Линий*, г. Москва.

Каверзность III степени

Помните афишу спектакля «Женитьба» в «12 стульях»? А «мебель древесных мастерских Фортинбраса при Умслопогасе им. Валтасара»? Если с Фортинбрасом и Валтасаром вопросов вроде нет, кто такой Умслопогас?

(9 баллов).
Д. ГРИШАНОВ, г. Москва.

* Просьба принцессы Турандот к г-ну Га-Д'О Линию — сбросить маску, иначе не видать ему гонорара.

КРОКОДИЛ
Журнал сатиры и юмора
№ 11 (2741)
сентябрь
1992

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь), Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ, Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ (первый зам. главного редактора), Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАССКИЙ (главный художник), Алексей ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Филипп КИРКОРОВ

Любят девушки Филиппа,
Восхищает их Филипп:
Не обходится без всхлипа
Ни один Филиппов «клип»!

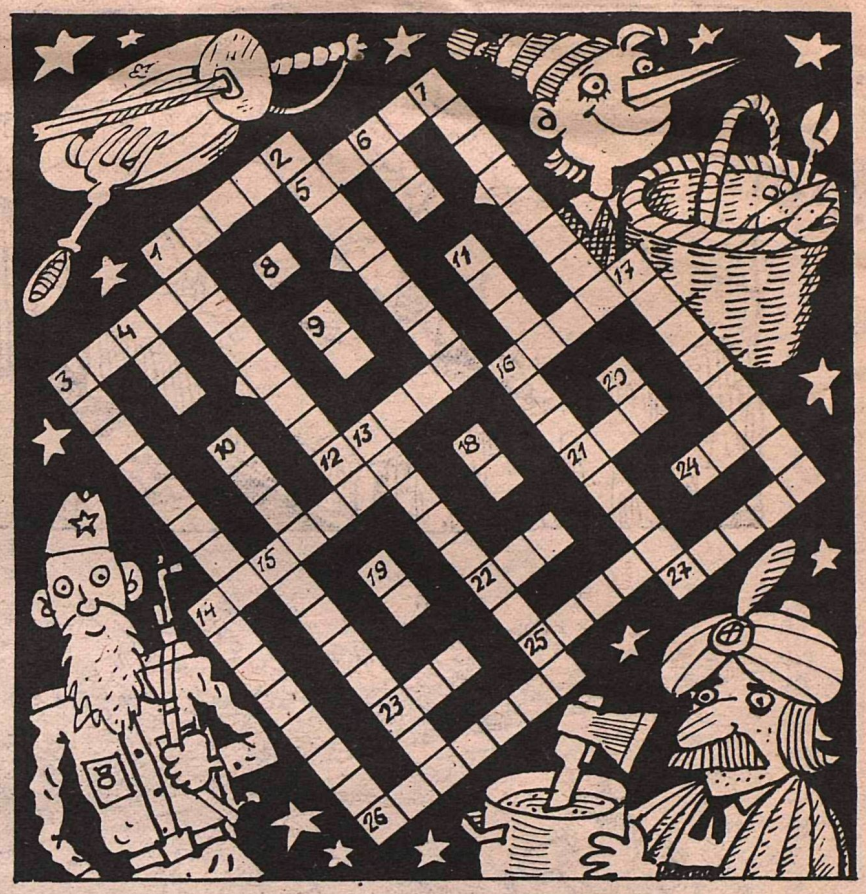
А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Сахарная сыпучесть. 3. Джигитская накидка. 5. Именинник, которому на день рождения подарили собственный хвост (сказ.). 8. 1/100 000 часть слова «мы» (песен.). 12. Сцена под куполом. 14. Приз для похвалившего лучше всех (мультфильм.). 16. Любитель шпаг на десерт. 21. Известный дядя с хижиной. 22. Член команды спасателей (диснеев.). 23. Мистер в маске (оперетт.). 24. Солдат с бородой. 25. Лучший подарок. 26. Братцы зайцев. 27. Белая часть тела (первоапр.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Заведение для отдыха с кормежкой. 2. Тара для бабушкиных пирожков. 3. Первый банкрот «Поля чудес». 4. Горный свистун. 6. Оружие без альтернативы. 7. Самая тонкая часть женского гардероба. 9. Суперпилот. 10. Тара для незадачливых любовников. 11. Топорное блюдо. 13. Держатели ключей от неба (киношн.). 14. Мушиный друг (песен.). 15. Элементарная частица, которую за бороду не поймаешь (высоцк.). 16. Разбушевавшийся киногерой. 17. Способ проверки надежности друга. 18. Знойная сторона света. 19. Место работы обитателей тихого омута. 20. Одна из отличительных черт птицы Говоруна (мультфильм.).

Составил Н. САВИЦКИЙ.



ОТВЕТЫ НА КВК, опубликованный в № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Люкс. 4. Кукрыниксы. 5. Дефицит. 7. Баян. 9. Зерно. 12. Карнавал. 16. Королева. 19. Авизо. 22. Клад. 23. Осадки. 26. Ум. 27. Поле. 28. Такси.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Крыса. 3. Кран. 4. Код. 6. Туз. 8. Ярославна. 10. Ева. 11. Ор. 13. Анка. 14. Нора. 15. Волынка. 17. Осколки. 18. Крокодил. 20. Ирод. 21. Ром. 24. Аут. 25. Кок. 26. Уж. 27. Пи.

НА ВИЛАХ ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 29. Обезьяна. 30. Перо. 31. Мозг. 32. Миф. 33. Лапа. 34. Торт.

НА ВИЛАХ ПО ВЕРТИКАЛИ: 30. Памфлет.

ШВЕЙЦАРСКИЕ АНЕКДОТЫ

Макс с друзьями сидит в баре. Чем ближе к ночи, тем меньше хочется возвращаться домой. Но деньги на исходе. Неожиданно его осеняет блестящая мысль. Он звонит по телефону жене и взволнованно говорит:

— Клара, меня захватили рэкетиры. Приготовь тысячу франков выкупа. Я заеду за ними домой, но только на одну минуту, иначе мне смерть.

— Я заплатил штраф, потому что поехал на зеленый свет.

— Это же разрешено!

— Конечно, но светофор со столбом стоят три тысячи франков.

Учитель. Почему нам важно научиться читать?

Ученик. Чтобы было чем заняться, если вдруг испортится телевизор.

Учитель. Томас, ты не хотел бы извиниться? Ведь ты опоздал на урок на полчаса!

— За что извиняться? Мой отец говорит, что учиться никогда не поздно!

Учитель ученику. Если у тебя есть одно большое и одно маленькое яблоко и ты должен поделиться со своим братом, как ты поступил бы?

— Господин учитель, вы имеете в виду старшего или младшего брата?

— Ради тебя, родная, я через все прошел бы: через огонь, воду, дремучий лес, град пуль...

— Лучше через дверь, милый.

Из журнала «Небельшпальтер» перевел с немецкого Евгений ВЕРБИН.

Производственное предприятие
СТРОЙТЕК
быстро и качественно из современных материалов выполнит работы по
РЕМОНТУ И УСТРОЙСТВУ МЯГКОЙ КРОВЛИ И ГИДРОИЗОЛЯЦИИ ПОДЗЕМНЫХ СООРУЖЕНИЙ.
Высокое качество и надежность гарантируются.
За предоставление выгодного заказа — вознаграждение до 10%.

СТРОЙТЕК приглашает на работу:
- начальника производства кровельных работ;
- инженера по развитию (заключение договоров);
- кровельщиков.

Предлагается в аренду:
- автовышка (28 м);
- автогудронатор.

Наш многолетний опыт избавит Вас от лишних проблем.
Звоните нам по телефонам: (095) 150-39-67; 455-87-70.

КРОКОДИЛ ГЕНА
вышлет курс быстрого обучения (2—3 месяца) чтению и письму детей 3—6 лет.
Цена — 75 руб.
✉ Москва, 109117, а/я 16, БЕРБЕЦУ Р. М.
☎ 177-25-50.

ВНИМАНИЕ!
ЗАОЧНЫЕ ТРЕНИНГИ ДОКТОРА АНДРЕЕНКОВА С ЗАПАХОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ — ВАШЕ СЧАСТЬЕ, ЗДОРОВЬЕ, УСПЕХ В ЖИЗНИ.
Виды тренингов
1. Улучшение настроения и обучение счастью.
2. Кодирование от излишнего веса и помощь в похудании.
3. Защита от всех вредоносных воздействий (включая порчу и сглаз).
Стоимость каждого тренинга (с запахоносителем-одорантом в комплекте) 150 рублей.
(Оплата производится на почте при получении.)
Комплекты высылаем наложенным платежом в ответ на письмо-открытку по адресу: 125195, Москва, а/я 333А.

СП ПРОДАЕТ ОВЕРЛОКИ И ШВЕЙНОЕ ПРОМОБОРУДОВАНИЕ.
☎ (095) 498-27-15; 193-39-71.

ПРОДАЮ И ВЫСЫЛАЮ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ
клапаны 8-й и 9-й моделей ВАЗ (1200 руб.— комплект).
☎ 498-27-15, 495-89-91, 902-54-83, 311-01-08.
✉ 123592, Москва, ул. Катукова, 20-1-114.
КРИВЕЛЬ О. Б.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!
По всем вопросам, возникающим в связи с рекламными объявлениями, редакция просит обращаться непосредственно к рекламодателю.
Справки об условиях публикации рекламы по телефонам: 212-13-59, 251-31-40.

Художественный редактор Диана МАЗУР

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Крокодил» обязательна.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
фельетонов — 250-46-68, 250-16-63, литературы — 250-09-70, писем — 212-15-47, международного — 250-45-78, художественного — 212-30-00. Приемная — 250-10-86.

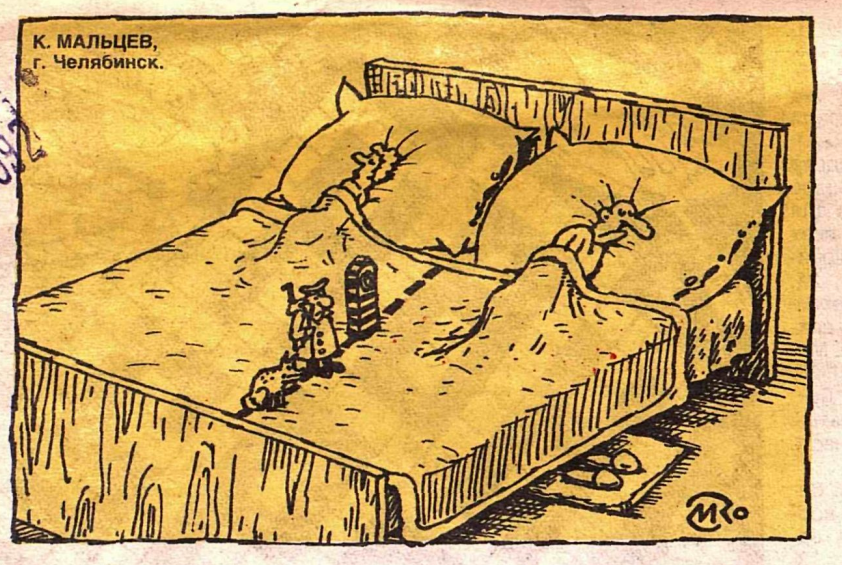
Сдано в набор 27.07.92. Подписано к печати 03.08.92. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 498200 экз. Зак. № 1919.
В розницу цена договорная.

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1992.

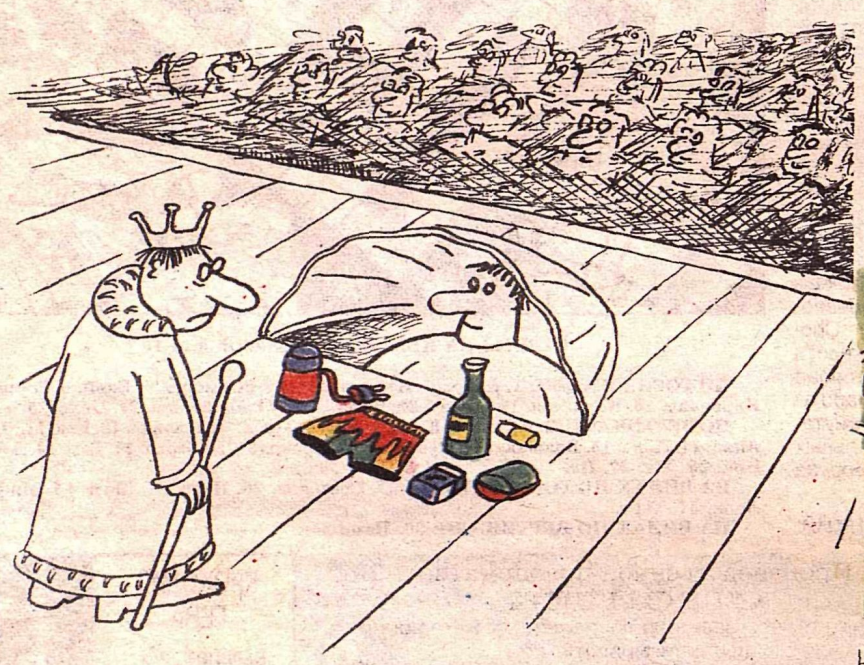
НА КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»



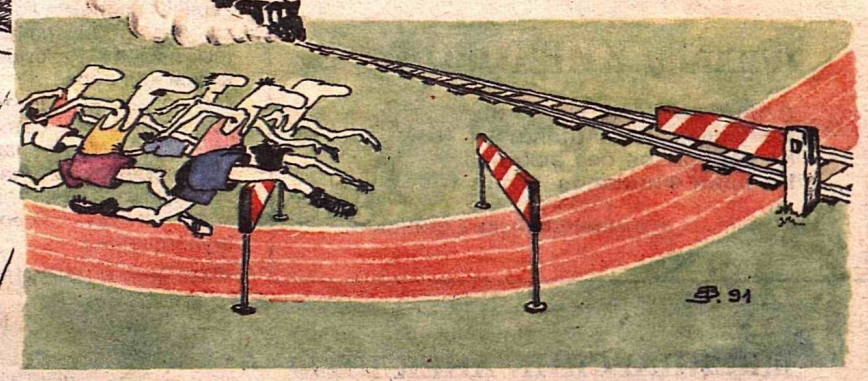
К. МАЛЬЦЕВ, г. Челябинск.

Е. СТАРОДУБЦЕВ, г. Харьков.

Ордена „ЗНАК ПОЧЕТА"
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1992 г.
КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

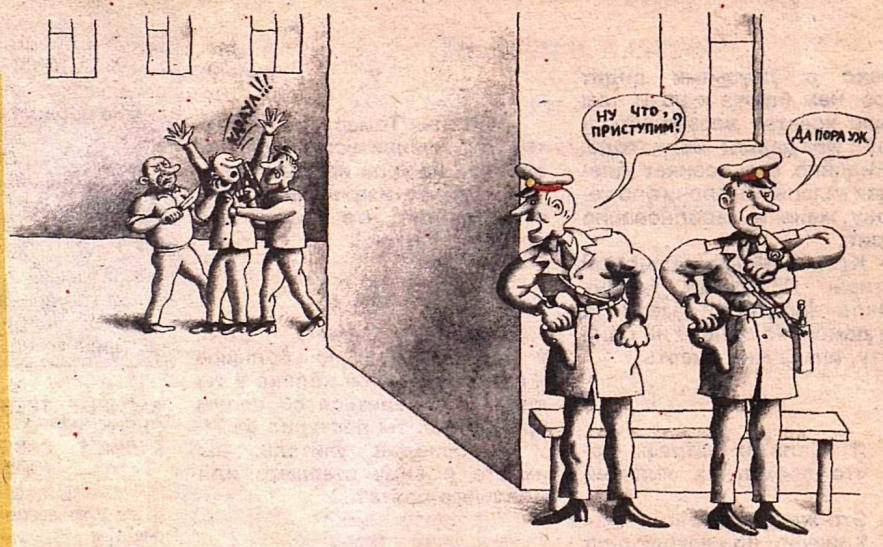


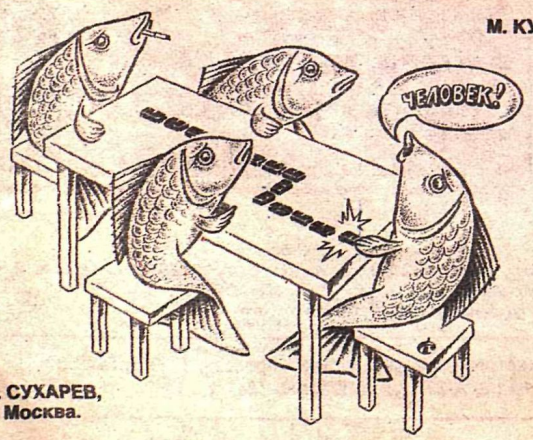
И. КОРСАК, г. Новосибирск.



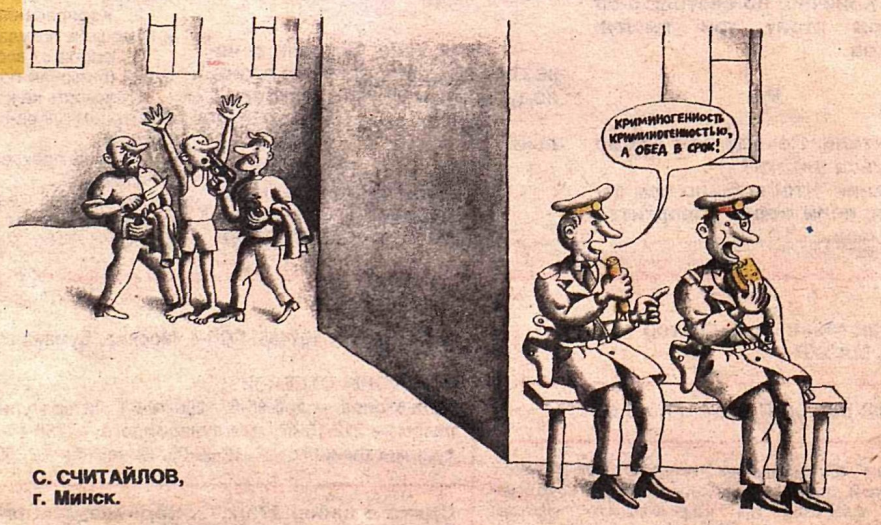
В. ВАСИЛЬЧЕНКО, г. Днепропетровск.

М. КУЗЬМИН, г. Самара.





К. СУХАРЕВ, г. Москва.



С. СЧИТАЙЛОВ, г. Минск.

Индекс 70448.